

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-SOLOVE

Открыто: 2008.06.09 12:57
Закрито: 2008.06.10 21:18
Версия: 2018.07.27 23:45

ISBN 9984-9395-5-3

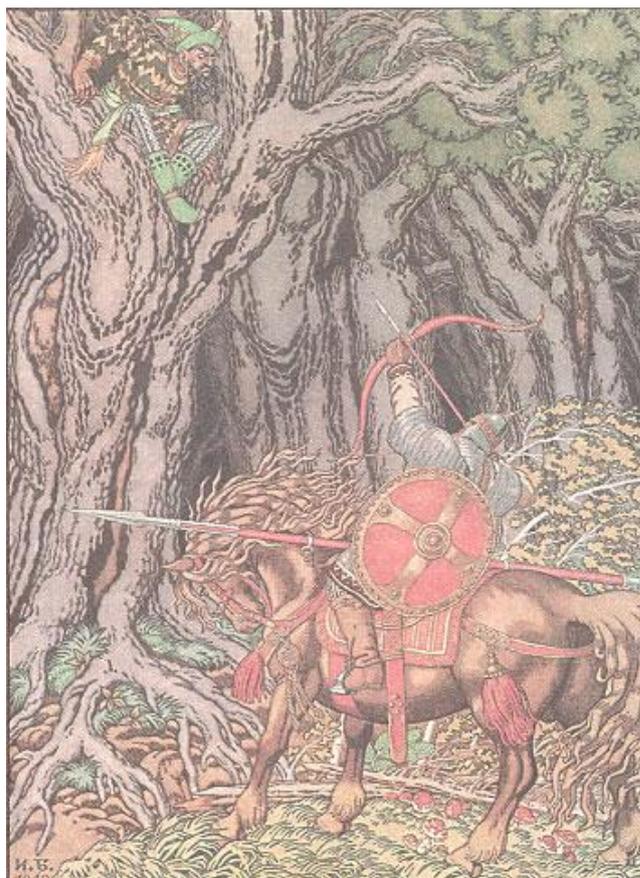
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

Ю. Морозов. «Соловей-разбойник»

© Ю. Морозов, 1996

Соловей-разбойник и Илья Муромец
(по картине Ивана Билибина; 1876–1942)

Юрий Морозов

ПОЧЕМУ СОЛОВЕЙ СТАЛ РАЗБОЙНИКОМ?

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

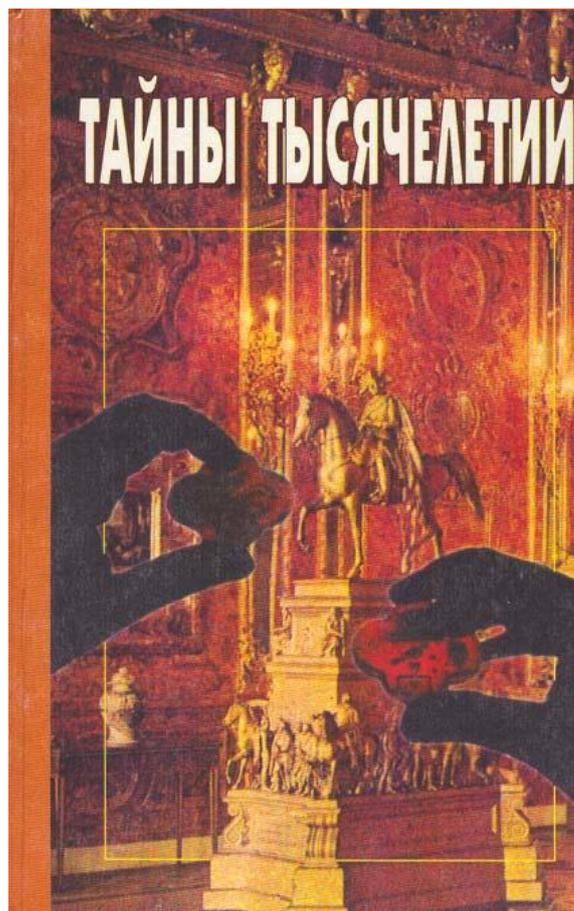
Введение

В субботу, 31 января 1998 года я купил (среди прочего) и четвертый выпуск серии «Тайны тысячелетий» (Издательский дом «Вокруг света», Москва 1996). Из всего, что было в этом сборнике, больше всего меня (почему-то) зачаровала статья Юрия Морозова «Почему соловей стал разбойником?» (помню, читал ее ночью вопреки всяким разумным соображениям о «режиме дня» и предстоящем рабочем дне – и никак не мог оторваться...). Потом перечитывал с регулярностью в несколько лет.

С самого начала я во многом не соглашался с автором – и вписывал свои соображения карандашом прямо в книгу (как я это обычно делаю). Меня удивляло то, как Юрий Морозов – русский человек, для кого русский язык является родным, (к тому же еще, по-видимому, фольклорист – почти что филолог) может не понимать то, что очевидно даже мне – постороннему человеку, для которого русский язык был иностранным, а именно: что слово «соловей» не только птичку обозначает, что оно родственно слову, например, «суховей», и что слово «разбойник» не только грабителя обозначает, а происходит от глагола «разбить», и что «разбойник», стало быть, это «разбивающий»...

Потом появились и другие соображения.

И вот, теперь, спустя более чем десять лет после первого знакомства с проблемой «Почему соловей стал разбойником?» я засканировал эту (несомненно замечательную) статью и поместил ее в свой Дневник вместе со своими комментариями, в целом дающими ответ на этот (несомненно интересный) вопрос и выдвигающими мою собственную концепцию сущности «Соловья-разбойника».

Обложка книги, с которой засканирован этот текст

9 июня 2008 года

Валдис Эгле

Почему соловей стал разбойником?

...Выезжал из города из Мурома удалой казак¹ Илья Муромец. Отстояв заутреню во Муроме, он к обедне поспешал в столичный Киевград. Но заросла дорожка прямоезжая. Тридцать лет по ней проходу и проезду нет: не пускает никого Соловей-разбойник. Как засвистит злодей по-соловьиному, как заревет он по-звериному, как зашипит он по-змеиному – сразу темные леса к земле клонятся, а что есть людей – все мертвы лежат...

Дальнейшее мы знаем со школьной скамьи. Илья Муромец все-таки одолел Соловья, привез его в Киев, показал боярам и князю Владимиру, поначалу не поверившему рассказу о поимке знаменитого и страшного разбойника, а затем казнил его. С тех пор за Ильей установилась слава главного богатыря и защитника Руси. В образе же его противника народ выразил свое резко отрицательное отношение к силам, мешавшим единству русских земель.

Усвоив (в лучшем случае) эти нехитрые познания, большинство из нас навсегда расстается с Соловьем-разбойником, не подозревая, что судьбой была дарована встреча с самым таинственным персонажем русского фольклора.

Правда, ныне такие оценки не в ходу. Если некоторые исследователи прошлых лет откровенно признавали Соловья фигурой загадочной, то любой современный автор, толкуя образ Соловья, вольно или невольно создает у читателей впечатление, что в основном науке тут уже все понятно. Однако стоит лишь узнать, *сколько* таких истолкований имеется к сегодняшнему дню, чтобы убедиться: Соловей-разбойник по-прежнему загадка.

Попытаем и мы свои силы в ее разгадке. По внутренней интриге историко-фольклорное расследование не уступит криминалистическому. Тем более, что специфика образа Соловья заставит нас искать ответы в самых разных, порою неожиданных областях – от истории до метеорологии, от мифологии до... Впрочем, все по порядку.

«Его натура как-то двоятся»

Для начала нам, разумеется, необходимо определить исходные данные, то есть выяснить, что рассказывается о Соловье-разбойнике в былинах.

Казалось бы, чего проще: бери сборник былин, отыскивай среди них нужную и... На деле, однако, задача куда сложнее. Любая былина, как и всякое фольклорное произведение, существует во множестве вариантов. И, скажем, тот хрестоматийный текст, по которому мы знакомимся в детстве с сюжетом о Соловье-разбойнике, отражает лишь одну из более чем ста записей былин про Соловья, делавшихся с середины XVIII века вплоть до самого недавнего времени.

«Ищите варианты!» – так можно было бы сформулировать первую заповедь исследователя, желающего выяснить корни фольклорного образа, сюжета, мотива. Каждый исполнитель устного произведения передавал его так, как понял и запомнил, неминуемо внося в повествование свои собственные штрихи. В результате ни один из вариантов не повторяет в точности других. Это обстоятельство, конечно, сильно затемняет первоначальный вид фольклорного произведения, живущего много столетий, но в то же время, как ни парадоксально, помогает его реконструировать. Дело в том, что при сравнении записей появляется возможность разглядеть за меняющейся «оболочкой» устойчивое «ядро», отделив поздние индивидуальные привнесения от деталей традиционных. Более того, в разных вариантах отпечатываются разные стадии развития произведения, благодаря чему можно – хотя и грубо, в общих чертах – восстановить его историю.

С помощью соответствующих методик исконный «костяк» сюжета о Соловье-разбойнике прорисовывается довольно отчетливо. Но вот беда: сам образ при этом понятнее не становится.

---

¹ В.Э.: Казак = казах = свободный человек – это слово тюркское, в русском языке послемонгольское, а Илья герой домонгольский. Следовательно, в былинах оно – анахронизм. (Илья стал «казаком» после того, как его спутали с казаком «Илейкой Муромцем» – самозванцем Смутного времени, казненным в 1607 году). Однако название «родного села» Ильи (Карачарово) явно тюркское (хотя собственно Муром находился в области, где коренными жителями были угрофинны).

Очень скоро мы обнаруживаем, что вынести из былины четкое представление о Соловье-разбойнике *в принципе* невозможно.

«Его натура как-то двойся...» – отмечал еще выдающийся ученый прошлого века Ф.И. Буслаев. Уже имя персонажа позволяет представить его и птицей, и человеком. Прямых описаний внешности Соловья быть не дает, его облик раскрывается только в действии, и на протяжении всего сюжета Соловей-разбойник поворачивается к нам то птичьей, то человеческой стороной.

При встрече с Ильей Муромцем Соловей восседает в «гнезде» на дубах. (Разные варианты говорят о трех, семи, девяти, двенадцати, сорока дубах, но конкретная цифра в данном случае несущественна; важно лишь, что деревьев, подпирающих гнездо, много.) В нашем сознании возникает образ гигантской птицы. Завидев Илью, Соловей пытается погубить его своим смертоносным свистом. Неизбежно возникающая при этом параллель со свистом реального соловья усиливает впечатление, что речь идет о пернатом чудовище.

Даже богатырский конь Ильи не устоял на ногах от звуковой атаки. Сам богатырь, однако, неуязвим. Метким выстрелом из лука прямо в глаз Соловью Илья Муромец сбивает его с дубов. Привязав противника к седлу, русский богатырь продолжает свой путь в Киев. Дорога лежит мимо жилища Соловья. Члены семьи разбойника глядят в окошко и сперва не могут разобрать: то ли Соловей везет незнакомого мужика, то ли мужик – Соловья.

Значит, Соловей тоже умеет ездить на коне? С нашим персонажем произошла неожиданная метаморфоза. «Будучи побежден богатырем, он как бы сбрасывает с себя нечеловеческие, фантастические формы», – пишет по этому поводу фольклорист Б.Н. Путилов. В дальнейшем Соловей-разбойник уже ничем не напоминает птицу. У него как у состоятельного человека, «широк двор», «высок терем», «палаты белокаменные», а также вполне человеческая семья: жена, дочери, сыновья, зятья. Он отговаривает домочадцев от попыток отбить его у Ильи Муромца, затем, в Киеве, гордо разговаривает с князем Владимиром, по некоторым вариантам даже требует себе чару вина, чтобы смочить запекшиеся уста. Наконец, удовлетворяя любопытство князя и бояр, он демонстрирует свой свист, отчего в стольном граде трясутся дома и падают люди. Под влиянием предшествующих эпизодов мы и в этой сцене уже склонны видеть в Соловье не громкоголосую птицу, а необыкновенно сильно свистящего человека...

Лубок XVII века, изображающий Соловья-разбойника.²

Вот и попробуйте теперь понять, как выглядел противник Ильи Муромца! А тем более – изобразить его в точном соответствии с указаниями былины.

С XVII века получили хождение рукописные повести об Ильи Муромце и Соловье-разбойнике. Их авторы и переписчики, естественно, адаптировали рассказ ко вкусам читающей публики, однако сохранили основные моменты сюжета, а также – во многом – и былинную фразеологию. Одну из редакций повести про Илью и Соловья вскоре растиражировали в лубочных изданиях, снабженных серией иллюстраций. И вот что характерно: во всех иллюстрациях нет ни малейших намеков на птичью природу Соловья-разбойника. Даже в той сцене, где, по словам сопроводительного текста, Соловей сидит в «гнезде, которое свито на двенадцати дубах», он показан обыкновенным человеком, высовывающимся из кроны близко стоящих друг к другу деревьев. Иначе говоря, «просто разбойником».

² В.Э.: В отличие от картины Билибина, на которой виден явный татарин, здесь изображен, скорее всего, литовец (особенно одеяло на коне явно в латышско-литовском духе).

На лубочных же картинках, не имевших развернутого повествовательного текста, Соловей и вовсе предстает богатырем, воином на коне. Передо мной одна такая картинка. Надпись на ней раскрывает суть изображенного: «Бой сильных богатырей Ильи Муромца с Соловьем-разбойником. В поле съезжаются, храбростию своею похваляются». Былинное столкновение богатыря с чудовищем стало похоже здесь на рыцарский поединок. Оба всадника одеты по моде начала XVIII века, оба в париках. Специалисты уточняют, что на одном всаднике мундир петровского солдата, а на другом – костюм шведского воина. Пожалуй, по фасону одежды только и можно отличить Соловья-разбойника от русского богатыря...

Эта тенденция к полному очеловечиванию Соловья тем любопытнее, что вообще-то для народного изобразительного искусства показ разных чудищ, полулюдей-полуживотных был делом привычным. На лубочных картинках, росписях бытовых предметов, тканевых рисунках той поры нам встречается и «птица Сири́н» с женским ликом, и «крокодил», у которого на зверином туловище (ничуть, впрочем, не напоминающем крокодиле) голова бородатого мужика, и сказочный «Полкан-богатырь» – кентавр с мужским торсом на туловище коня. То есть, мне кажется знаменательным, что народные художники, никогда не пасовавшие перед изображением «гибридных» существ, для Соловья-разбойника сделали исключение. Вероятно, они чувствовали, Соловья трудно представить в виде, скажем, человека с крыльями или говорящей птицы. Он не «птичеловек», а «то птица, то человек»³, и две половинки его природы как-то противятся зримому совмещению. Неопределенности или переменчивости внешнего облика персонажа, терпимых в устном повествовании, в рисунке приходилось избегать. Выбор был сделан в пользу человеческой ипостаси Соловья, благо и в сюжете она выражена заметно ярче.

Между прочим, так поступают и современные дети. Как правило, они рисуют Соловья-разбойника пусть страшным, даже «одичалым», но – человеком. Детское мышление в данном случае тоже не терпит двусмысленности.

Наконец, еще одно позднее «эхо» былинного сюжета о Соловье заслуживает нашего внимания. Напомним читателю, что былины – это стихотворные произведения, исполнявшиеся нараспев. Однако многие люди, не умевшие петь былины, рассказывали их содержание прозой. Порой и сами былинные певцы, забывая стихотворный текст, прибегали к прозаическому пересказу. В итоге, кроме записей собственно былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, мы располагаем изрядным количеством ее устных прозаических переложений, причем часть из них бытовала у народов, живущих по соседству с русскими.

Понятно, что такие переложения, зачастую превращавшиеся в откровенную сказку, еще дальше уходили от первоначального облика былины, от интересующих нас истоков образа Соловья. Но нет худа без добра. Излагая сюжет своими словами, человек имеет больше возможности выразить собственное понимание того, о чем повествует. И в прозаических переложениях былины мы снова наблюдаем многочисленные попытки привести образ Соловья-разбойника в соответствие со здравым смыслом, взяв из его «двоящей природы» только одну определенную сторону.

«Соловей был мужик, залезал на деревья, разбойничал». Такое бесхитрое понимание персонажа предлагает нам рассказ, записанный на Тамбовщине. А на Вологодчине столь же уверенно говорили, что Соловей был птицей. В одной карельской сказке он выступает под именем птицы Свиски; другая, тоже карельская, сказка называет его не иначе как «rusckoi rohatteri» («русский богатырь»). А по одной из белорусских сказок Соловей – это человек, превращенный чарами волшебника в гигантскую птицу. Оправдание двуликости персонажа здесь придумано в чисто сказочном духе.

Некоторые иноязычные пересказы выразили мысль об исконно птичьей сущности Соловья-разбойника своеобразной концовкой сюжета. Вот, к примеру, информация, полученная от одного старика с Украины в середине прошлого века. Разговорившись о богатырях, живших во времена князя Владимира, он как бы между делом заметил, что благодаря Илье Муромцу «теперь по всей земле соловейчики поют». «Разве до Ильи соловьев не было?» – удивился его собеседник (опубликовавший потом это предание в газете «Киевлянин»). «Соловей был, да соловьев не было», – отчеканил старик. И передал историю про Илью Муромца и Соловья-разбойника вплоть до сцены ужасного свиста Соловья в Киеве. «Тогда Илья вынул свою острую саблю, – продолжал

---

³ В.Э.: Черт возьми! Да с какой стати он птица?! Ничего птичьего в нем нет – на птицу указывает единственно то обстоятельство, что «соловей» на СОВРЕМЕННОМ русском языке означает такую маленькую серую певчую птичку.

рассказчик, – и на куски, не больше маковых зерен, изрубил тело разбойника. Эти кусочки тут же обратились в маленьких птичек, которые разлетелись по всему свету. Голос разбойника, раздробленный тоже на части, потерял свою страшную силу». Тот же мотив, представляющий Соловья-разбойника родоначальником всех соловьев или вообще всех птиц, бытовал у белорусов и чувашей.

За исключением этого мотива, возможно, донесшего до нас древнейшую подробность, уже не сохраненную былиной,⁴ все другие прозаические и графические трансформации образа Соловья, повторю еще раз, явно вторичны и «третичны» по отношению к былине. Но они еще более оттеняют загадку, кроющуюся в былинном Соловье, – «дуализм» его фигуры, ее принципиальную противоречивость. И любая гипотеза о происхождении образа разбойника должна, разумеется, прежде всего удовлетворительно объяснять эту его особенность.⁵

Историческая личность?

Самый радикальный способ решения данной проблемы, как выяснилось, состоит в том, чтобы признать двойственность фигуры Соловья-разбойника... мнимой. Такая идея долгое время витала в воздухе, пока наконец ее не выразил со всей прямоотой в 1891 году выдающийся отечественный филолог А.А. Потебня. К нему присоединился ряд других ученых. Суть рассуждений А.А. Потебни и его единомышленников заключалась в следующем.

Во-первых, почему имя Соловей нужно непременно считать указанием на птицу? В старину его мог носить и человек. «Употребление названий животных разного рода в качестве личных имен, – писал в этой связи А.И. Соболевский, – свойственно едва ли не всему человечеству. Древняя Русь знала его издревле». То, что ныне воспринималось бы только как забавные, а порою даже обидные для их носителей прозвища, раньше служило «официальными» именами вполне уважаемых людей. Уместно вспомнить, что царская династия Романовых вела свою родословную от боярина Андрея Кобылы, жившего в XIV веке. В документах XV–XVII веков фигурируют Баран Филиппов, Волк Курицын, Овца Владимиров, Паук Иванов, Жаворонок Лазарев, Анисим Скворец, Васька Воробей, Стахей Голубь... Имя Соловей в такой компании выглядит совершенно естественным. На страницы документов этого же периода попали дворянин Соловей Борщов, стрелецкий десятник Матюша Соловей Борщов, стрелецкий десятник Матюша Соловей и другие. Кроме того, косвенным признаком популярности какого-то имени в прошлом является современное бытование производной от него фамилии. «...Широкое распространение в наше время фамилии Соловьев... – отмечал А.И. Соболевский, – кажется, достаточно ручается за частое употребление этого имени в старину».

С нашим же Соловьем дело могло обстоять очень просто. Разбойникам ведь принято давать клички. Ничто не мешает предположить, что какой-нибудь удалец «с большой дороги» получил прозвище Соловей, допустим, за особенное умение свистеть, всегда ценившееся в разбойничьей среде. Для сравнения скажу, что в окрестностях Киева бытовало предание о разбойнике Голубе, а сподвижниками Ермака Тимофеевича народная молва называла лихих атаманов Сокола и Петуха.

Что у нас осталось от птичьих признаков Соловья-разбойника? Его сидение на дубах? Но еще в 1873 году немецкий ученый Ф. Либрехт, обобщая данные о том, что многие «примитивные» народы устраивали себе жилища на деревьях, без тени сомнения писал: «Реминисценцией такого обычая является Соловей-разбойник, соорудивший себе гнездо на двенадцати дубах». Позднее русские исследователи «проблемы Соловья» привели другие, не менее интересные параллели. Так, одно из суданских племен укрывалось от своих врагов на ветвях эриодендронов: первый «этаж» воздушного укрепления составляло жилище с провизией и домашними животными, выше располагалась корзина для воинов. А неподалеку от Торуня (Польша) в старину был могучий дуб, знаменитый тем, что на нем какое-то время жили (!) прусские крестоносцы. Однако все эти материалы играли уже второстепенную роль, потому что такие же факты выявились и в русской истории.

⁴ В.Э.: Да нет – это обыкновенная «народная этимология».

⁵ В.Э.: Нет никакой «принципиальной противоречивости». Происхождение имени (и эпитета) Соловья-разбойника я объясню несколько ниже, а все недоразумения появляются только от того, что слово «соловей» «на **СОВРЕМЕННОМ** русском языке означает такую маленькую серую певчую птичку» (которая на самом деле к «разбойнику» не имеет никакого отношения).

Заглянем в словарь В.И. Даля. Оказывается, у слова «кровать», помимо значения, всем нам известного, было раньше и такое: «охотничьи полаты, помост на дереве, для стрельбы медведя». Подобные же «кровати», по свидетельству письменных источников, использовались и в оборонительных целях. Представить воочию, как все это происходило, поможет цитата из комментариев к «Слову о полку Игореве», принадлежавших перу дореволюционного переводчика этого памятника Н.М. Павлова-Бицына (какое отношение к обсуждаемой теме имеет само «Слово», будет сказано в дальнейшем).

«Нам припоминается, – писал он, – сторожевая жизнь степной русской украины (окраины, – Ю.М.) и весьма характерный способ караулов, устроенных для наблюдения за вторгавшимися в степь. Этот способ со времени киевских князей, боровшихся с половцами, сохранялся еще и в московский царский период, когда врагами уже являлись крымские татары. На одиноких дубах, рассеянных по всей беспредельной равнине, сидят вверху стражники, дозорцы, и пристально смотрят на бесконечную степную даль. Под дубом еще другой стражник и два оседланных коня. Завидится вдали пыль или вообще какая-нибудь тревога от табуна или от войска – и стражник подает клич сверху дерева; его товарищ под дубом садится на одного из оседланных коней и едет к следующему такому же пункту».

Спрашивается теперь, почему и разбойники не могли устраивать себе наблюдательные пункты на деревьях? Для придорожных засад в лесистой местности эта мера была, пожалуй что, и неизбежной.

Вот так под рационалистическим углом зрения «таяли» все птичьи атрибуты Соловья-разбойника. В понимании этого образа наметилась соблазнительная простота. Со страниц некоторых работ конца XIX века, касавшихся изложенной концепции, явственно слышится вздох облегчения. «Данное г. Потемной объяснение устраняет необходимость видеть в Соловье сверхъестественное существо, получеловека-полуптицу» – с удовлетворением констатировал, например, Л.Н. Майков. Все поступки, все черты персонажа стали выглядеть человеческими, а это позволяло, не углубляясь в дебри мифологической фантастики (чем активно занимались до этого многие исследователи), всецело сосредоточиться на поисках реально-исторической основы образа Соловья, которые к тому времени также стали разворачиваться достаточно интенсивно.

* * *

Одна область поисков напрашивалась с самого начала: летописи. Если у Соловья был прототип в истории, он должен был буквально поразить современников размахом своих действий, а возможно, и какими-то другими особенностями – и вряд ли столь заметная фигура ускользнула бы от внимания летописцев. Так удалось ли отыскать что-нибудь подобное?

Нашли лишь вот что. Согласно Никоновской летописи в 1008 году «изымаша хитростию некоею славнаго разбойника, нарицаемаго Могута». Представ перед Владимиром Святославичем, он «вскрича зело и много слезы испущая из очию», обещал больше не творить зла и жить до конца своих дней в покаянии. От таких слов «Владимир умилися душею и сердцем» и отправил разбойника в дом своего духовного отца, митрополита Ивана, повелев никогда не покидать этот дом. «Могут же, заповедь храня, никакоже исхожаше из дому митрополичя, и крепким и жестоким житием живяше, и умиление и смирение много показа, и провидев свою смерть, с миром почи о Господи».

Не правда ли, по первому чтению трудно даже определить, имеет ли этот рассказ хоть какое-нибудь отношение к нашей теме. Многие ученые, однако, видели в нем историческое зерно былинного сюжета, а некоторые, как, например, М.Г. Халанский, попросту считали его «древнейшим вариантом былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике». Что же общего между летописным разбойником и эпическим? Назывались следующие признаки сходства. Во-первых, и того и другого разбойника приводят к киевскому князю Владимиру. Во-вторых, оба в чем-то похоже ведут себя перед князем (один громко вскричал, другой – сильно свистнул). В-третьих, участь Соловья-разбойника тоже порой благополучна: некоторые былинны варианты ничего не говорят о его казни, а изредка вопреки основной версии сюжета Илья отпускает врага на свободу.

Видно, слишком велико было желание найти «летописного Соловья», коли исследователей удовлетворяли эти скудные и натянутые параллели... В действительности несхожего тут гораздо больше. Например, невозможно поверить, будто слезный вопль летописного разбойника стал прообразом разрушительного и опасного для людей свиста Соловья. В Могуте вообще нет ничего «птичьего». Его, далее, не победили в схватке, а поймали хитростью. Летопись вообще

умалчивает, как именно и кем был пойман, да всё это и несущественно с точки зрения внутренних задач повествования – мы ведь имеем дело не с «приключенческой» историей о поимке разбойника, а с назидательной легендой о раскаянии грешника, присутствие которой в Никоновской летописи более чем естественно.

«Повесть временных лет» поместила под 996 годом рассказ о том, что богобоязненный князь Владимир не решался поначалу казнить разбойников, но епископы убедили его: казнь злодея – не грех. Составитель Никоновской летописи воспроизвел этот эпизод, расцветив его новыми подробностями, а под конец воздал хвалу Владимиру, который, будучи «многотерпелив зело и смыслен в разуме», решал участь лиходеев «с рассмотрением и великим испытанием». Простейшая логика диктовала: вслед за рассказом о Владимире, казнящем разбойников, нужен рассказ о Владимире милующем. Этой цели как нельзя лучше отвечал сюжет о Могуте. Вся статья Никоновской летописи за 1008 год пропитана христианским морализаторством и завершается новым панегириком праведному князю.

Но главное даже не в этом. Рассказ о событии, якобы имевшем место в 1008 году, впервые появился на страницах Никоновской летописи, составление которой датируется XVI веком. Ни единого слова о Могуте в предшествующем летописании нет. Перед нами, судя по всему, легенда довольно позднего происхождения, и это заставляет окончательно распространиться с мыслью видеть в Могуте прототип былинного разбойника, потому что былина о Соловье, по общему убеждению, возникла еще в Древней Руси.

Не так давно в научный оборот ввели еще один интересный для нашей темы источник, хотя и на сей раз у меня нет уверенности, что он действительно как-то связан с Соловьем-разбойником. Во всяком случае, сакраментальное имя Соловей на летописных страницах прозвучало. Одна Новгородская летопись, составленная в XVI веке, поведала следующую историю, отнеся ее к 1209 году. Киевский князь Мстислав победил много народов и захватил ряд земель, в том числе и вотчину другого Мстислава, великого князя, жившего в Галиче. Оскорбленный Мстислав галицкий «и вся земля Руская сташа на реки Почайне, и ту прииха к нему Олександр Попович...». Узнав о выступлении противников, Мстислав киевский вывел свою рать, а затем сказал воеводе Дрозду: «Еди, испытай, есть ли князь великий на реки Почайне». Воевода отказался: «Не иду, яз Дрозд потка (птица), а тамо есть Соловей». Ехать вызвался другой воевода – Волчий Хвост. Подъехав к реке Почайне, он вступил в бой с Александром Поповичем, но потерпел поражение. После этого Александр Попович, в котором легко узнать былинного Алешу Поповича, разбил в одиночку все полки киевского князя и вернул Мстиславу галицкому его вотчину.

Конфликт двух Мстиславов, вероятно, вымышлен, а фольклорное, скажу точнее – эпическое, происхождение «батальной» части рассказа не вызывает сомнений. Для нас, конечно, интереснее всего фраза «яз Дрозд потка, а тамо есть Соловей». Историк Б.М. Клосс, опубликовавший этот летописный фрагмент об Александре Поповиче, толкует слова воеводы как простое иносказание: «дрозду-птице нечего равняться с соловьем». Здесь, однако, угадывается более сложный подтекст.

В самом деле, если метафорическому дрозду соответствует в реальном плане воевода Дрозд, то и соловью иносказания должен соответствовать кто-то из действующих лиц. Из сюжета следует, что это Александр Попович. Он находится «тамо», на Почайне, куда киевский князь посылает воевод – и именно его, как подтвердило вскоре поражение Волчьего Хвоста, имел все основания бояться Дрозд. Но почему Александр назван Соловьем? Ведь не в пении он превосходит противника (чем еще соловей лучше дрозда?), а в силе, боевитости. Для того же, чтобы выразить его воинское превосходство, используя символику птиц, куда лучше подошел бы другой метафорический образ – сокола, орла и т.п. И все-таки в иносказательном сравнении двух воинов был выбран отчего-то «певческий», а не «силовой» ряд образов.

Мы знаем одного лишь «певучего» Соловья, который способен символизировать собой необычайную мощь и смертельную опасность для любого человека, – это былинный разбойник. Вспомним, его часто представляли «сильным богатырем». Так не ему ли уподобили Александра Поповича? Правда, столь изощренные приемы, когда один персонаж характеризуется с помощью намека на другого (и из иного сюжета), фольклорной поэтике не свойственны; скорее это можно отнести на счет творческого вмешательства автора литературной обработки сказания (вероятно, им был сам составитель летописи). Конечно, все это предположение очень шатко. Доказать, что в тексте действительно содержался намек на былинного Соловья, вряд ли возможно. С другой стороны, и допустить, что некто в XVI веке и чуть раньше самостоятельно применил образ

соловья для метафоризации богатырской силы, ничего не слышав о Соловье-разбойнике, тоже довольно трудно.

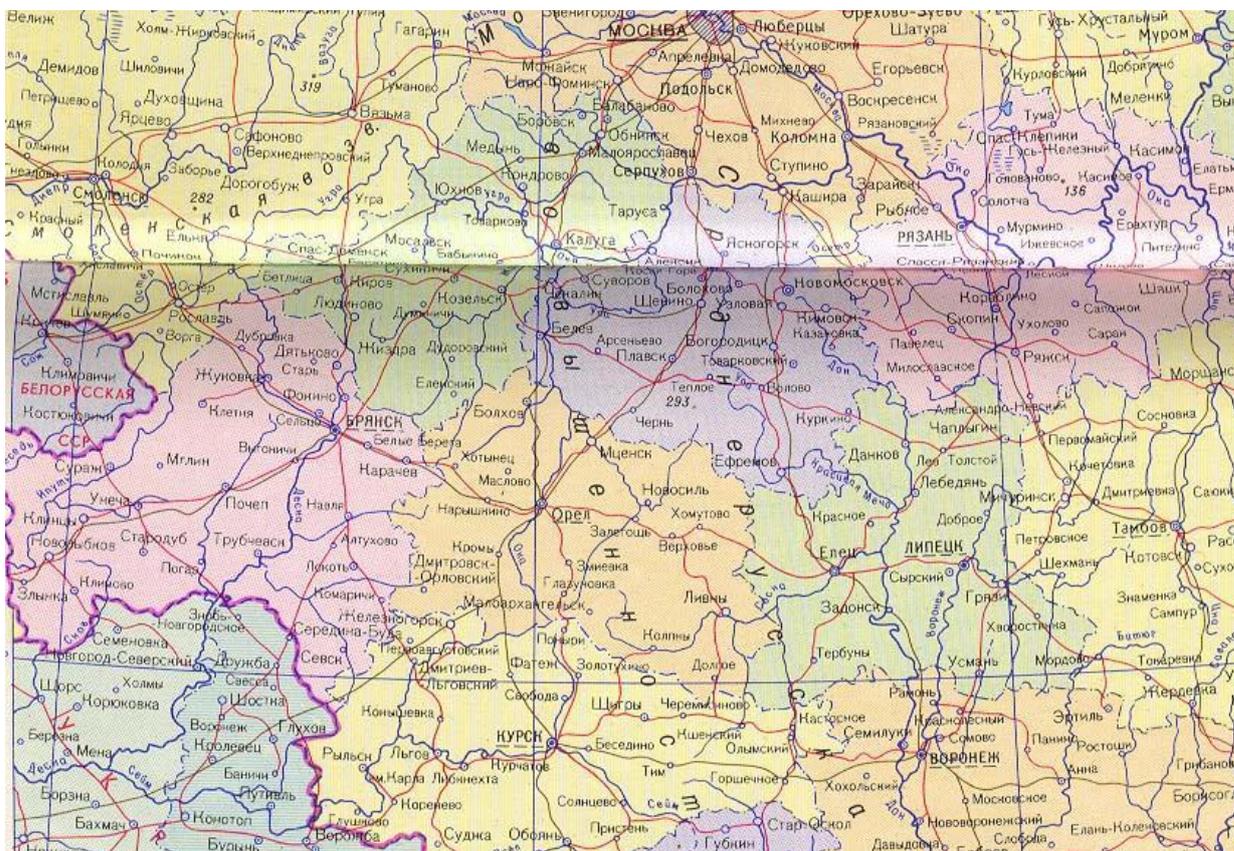
Оставляя вопрос открытым, я хотел бы только заострить внимание на времени включения этого сюжета в летопись. Да, то же самое, что и в предыдущем случае, столетие, вообще отмеченное широким проникновением в летописи эпических материалов. Тот же процесс «дополнения» истории задним числом, когда летописец, руководствуясь одному ему известными соображениями, привязывал сведения, почерпнутые из современного ему фольклора, к тем или иным датам далекого прошлого. Надежды на обнаружение древнего и независимого от эпоса свидетельства о Соловье-разбойнике опять не оправдываются. Перед нами в лучшем случае поздний литературный отзвук былины.

***

Итак, прояснить проблему историчности Соловья-разбойника традиционным для науки путем – обратившись к письменным источникам – пока не удалось. Более перспективным оказался другой путь – рассмотрение географических данных, содержащихся в былине.

Кратчайший путь из Мурома к Киеву в условиях Древней Руси скорее всего пролегал бы через Чернигов. Былина в этом отношении точна. Она рассказывает, как Илья Муромец, спеша в Киев, проезжает мимо Чернигова и видит, что город со всех сторон обступила вражеская рать. Богатырь не мог не прийти на выручку осажденным. Благодарные черниговцы просят Илью остаться у них в городе воеводой. Но планы у богатыря иные, он спрашивает «дорожку прямоезжую» на Киев. Тут-то впервые он и узнает о Соловье-разбойнике, который эту самую дорогу оседлал.

Вроде бы координаты логова Соловья обозначены: где-то между Киевом и Черниговом. Однако исследователи с редким единодушием отказывались принимать это сообщение на веру. Мешало другое, более правдоподобное указание той же былины. Согласно которому встреча Ильи Муромца с Соловьем-разбойником состоялась в Брянских или Брянских лесах.

Современная карта описываемой местности. Муром находится в самом верхнем правом углу этой карты; Чернигов (и дальше Киев) – за нижним левым углом. Брянск в центре карты на левой стороне. Жиздра немножко севернее Брянска.

Про густые Брянские леса слышали, наверное, все. Существует даже достаточно обоснованная гипотеза, что само название Дебрянск, под которым город Брянск фигурировал первоначально в летописях, произошло от слова «дебри». Ну а что это за леса Брынские?

Их связывают с небольшой рекой Брынъ, впадающей в Жиздру, приток Оки. На берегу Брыни есть одноименное село. Глядя на современные карты, трудно поверить, что эта речка или населенный пункт, о существовании которых сегодня мало кто знает, могла дать имя знаменитым лесам. Но места эти, очевидно, не всегда были неизвестными. Рядом с селом Брынъ имеется древнее городище. По мнению специалистов, именно здесь находился летописный Брынъ, упомянутый под 1228 годом (князь Михаил Всеволодович «бе бо тогда в Брыну»). Скорее всего, по этому городу окрестные леса и получили свое название.

Как уже сказано, в записях былины фигурируют оба топонима. Одни варианты поселяют Соловья-разбойника в Брынских лесах, другие – в Брянских. Но нет никакого сомнения, что первоначально обителю Соловья эпос называл именно Брынские леса. Варианты былины с их упоминанием зафиксированы в самых разных регионах, от Поволжья до Сибири, что указывает на древность, исконность употребления данного топонима в произведении. О Брянских же лесах речь идет только в двух былинных записях территориально ограниченной (мезенской) традиции. Здесь резоннее предположить позднюю, может быть, даже машинальную «корректировку» названия в соответствии с более известным топонимом.

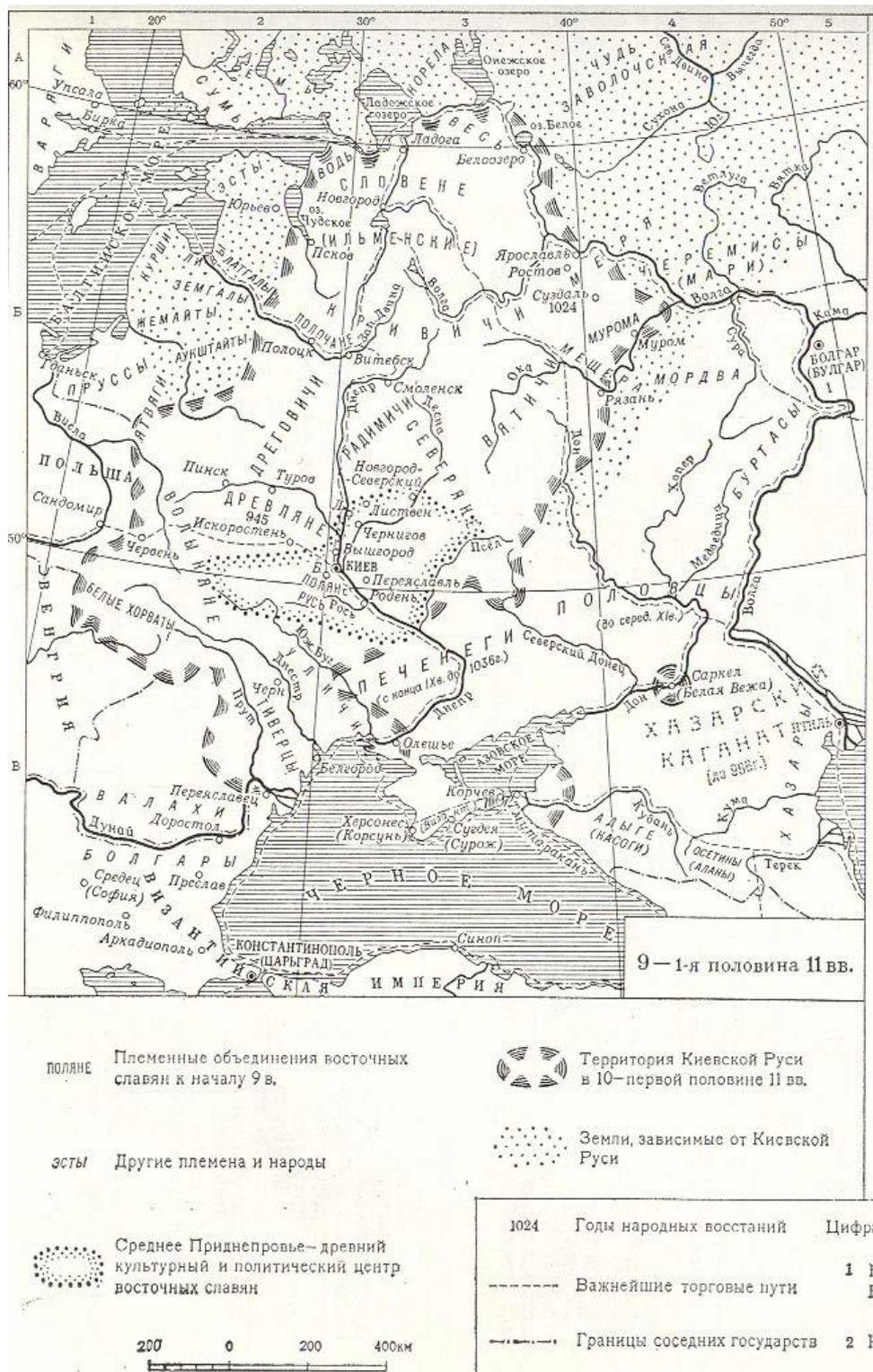
Впрочем, сама легкость этой топонимической подмены наводит на серьезные раздумья. Как вышло, что два соседних лесных массива (см. карту), между которыми, строго говоря, вообще не видно какой-либо естественной границы, называются почти одинаково? Среди возможных ответов подкупает своей простотой следующий. Не исключено, что поначалу *весь* огромный лесной массив между верховьями Оки и Десны именовали Брынским. Позднее, когда Брынъ превратился в захудалое поселение, а Брянск, напротив, приобрел широкую известность как столица удельного княжества, общее название лесов стали соответствующим образом подправлять, благо для этого было достаточно изменить всего одну букву... Возможно, какое-то время оба названия, старое и новое, сосуществовали на правах синонимов. Однако процесс уточнения и конкретизации географических представлений, сопутствовавший заселению междуречья Оки и Десны, неизбежно вел к тому, что Брынскими все чаще звали леса только по Брыни, а Брянскими – те, что ближе к одноименному городу.

Так ли все обстояло на самом деле, судить очень трудно из-за нехватки соответствующих исторических свидетельств. Те же Брянские леса в летописях не упоминаются, и единственным источником, говорящим об известности их в Древней Руси, остается для нас былина. И все же факт употребления эпосом обоих названий лесов в качестве синонимичных высказанному здесь предположению, как минимум, не противоречит. Следовательно, нам приходится допускать, что создатели былины, определяя место обитания Соловья-разбойника, подразумевали Брынские леса в широком смысле, на пространстве от Брыни до Десны, и поздняя замена некоторыми сказителями названия этих лесов на Брянские, по сути своей, не так уж и ошибочна... Во всяком случае, наиболее вероятный маршрут поездки Ильи Муромца проходит через весь указанный регион.

Рассмотрим повнимательнее карту. Если бы мы наносили на нее путь богатыря, следуя «букве» былинного повествования, нам, пожалуй, потребовалась бы линейка, ибо из текста складывается впечатление, что Илья мчался в стольный город напрямую, скача на богатырском коне через реки и озера. Но если мы прикинем, где мог бы пролегать подобный маршрут в реальных условиях Древней Руси, нам станет ясно, что человек, спешащий из Муромца в Киев, предпочел бы проделать максимальный отрезок пути по Оке или вдоль ее берега. И только там, где река круто изгибается (в районе нынешней Калуги), он вынужден был бы взять юго-западнее и ехать лесами, устремляясь опять-таки к ближайшей излучине Десны, а уж река привела бы его в Чернигов и Киев. Этот-то путь непосредственно пересек бы сначала Брынские (в узком смысле), а затем и Брянские леса.

И еще один многозначительный нюанс. Сегодня мимо села Брынъ проходит автомагистраль, ведущая из центра России к Киеву и Чернигову, а параллельно ей тянется железная дорога. Случайно ли одна из важнейших транспортных артерий на этом участке в точности повторяет путь, описанный в былинне? Если это и совпадение, то глубоко символичное. Но дело, видимо, в другом. Создатели былины знали, что кратчайший путь из северо-восточных земель в Киев лежит через Брынские леса, потому и направили туда своего героя. Наиболее рациональный

маршрут выбирали позднее и строители дорог. К тому же крупные автодороги предпочитали строить по уже существующим, давно объезженным путям.

Карта №1 Киевской Руси из БСЭ-3 (1973)

Таким образом, размещение логова Соловья-разбойника в Брынских (Брянских) лесах с историко-географической точки зрения абсолютно оправданно и может быть принято за достоверную деталь повествования. Чернигов же упомянут явно не на месте: богатырь мог попасть в этот город только после встречи с Соловьем, а не до нее, как сказано в былине. Но здесь уже мы имеем дело с эпической условностью, продиктованной чисто художественными задачами. Эпизод с освобождением города был придуман, в частности, ради того, чтобы

подготовить столкновение Ильи Муромца с Соловьем-разбойником, в непринужденной форме диалога горожан с их освободителем дать предварительную информацию о будущем противнике богатыря, «нацелить» его на эту встречу. Выбор же конкретного города объясняется элементарно.

Карта №2 Киевской Руси из БСЭ-3 (1973)

Мотивировку в общих чертах уловил уже Н.Д. Квашнин-Самарин, первым предложивший в 1879 году целостное историческое толкование интересующей нас былины. Он рассуждал так: «Вернее было бы поместить... Соловья севернее Чернигова; но требовалось, чтобы Илья был предупрежден о предстоящей опасности, а это могло случиться только в Чернигове, так как

других христианских городов между Муромом и Киевом не было»⁶. Сделаю лишь маленькое уточнение. Едущему из Мурома в Киев еще раньше Чернигова – смотрим снова на карту – повстречался бы Новгород-Северский. Но этот древний город не оставил по себе никакой памяти в былинах, не стал, как выражаются фольклористы, эпическим городом. А Чернигов – стал, сделавшись со временем расхожей географической деталью, упоминаемой былинами по самым разным поводам. Так что, пожалуй, для сочинителей былины о Соловье-разбойнике между Муромом и Киевом действительно «существовал», то есть, был известен или значим, один только Чернигов.⁷ Его и вставили в сюжет – там, где этого требовала художественная логика развертывания событий, а не там, где его полагалось бы назвать по логике реального путешествия. Подобные географические смещения в фольклоре далеко не редкость.

* * *

Меж тем «брынско-брянская» привязка сюжета получала в ходе исследовательской работы все новые подтверждения. Много интересного обнаружилось в топонимике окрестностей Брянска и соседствующего с ним города Карачева. Например, былина говорит, что лесная застава Соловья-разбойника располагалась у реки Смородины. Эту реку поначалу считали чисто мифической и на карте не искали – как оказалось вскоре, напрасно, ибо недалеко от Карачева протекает река Смородиновка (по другим данным – Смородинная, Смородинка). А в 13 километрах от Карачева лежит село с красивым и не совсем обычным названием Девять Дубов. Отыскивали даже Соловьев перевоз – правда, не через Смородиновку (это было бы стопроцентной удачей), а через Десну, в непосредственной близости от Брянска. Такое скопление топонимов, вызывающих в памяти сюжет о Соловье-разбойнике, заставляло с особым интересом отнестись к местным преданиям. И ожидания исследователей оправдались. 14 апреля 1890 года газета «Московские ведомости» опубликовала корреспонденцию анонимного жителя города Карачева. Сославшись на уже известные нам «былинные» топонимы, автор далее писал: «...Местные старожилы помещики указывают даже то место, где было расположено «гнездо Соловья-разбойника». И теперь на берегу Смородинной находится огромных размеров пень, который, по преданию, сохранился от громадных девяти дубов, около которых жил Соловей-разбойник».

Можно ли желать более определенного свидетельства? Прямо хоть организуй экспедицию на поиски остатков Соловьевой заставы... Предыдущий анализ, однако, уже научил нас не доверять слепо самым «точным» указаниям устных и письменных источников. Повременим с выводами и на сей раз.

Уже в наши дни историк Ю.А. Липкинг, по-видимому, не зная об этих материалах, собранных дореволюционными исследователями, с полной убежденностью доказывал, что место обитания Соловья-разбойника была Курская земля. И представьте себе – факты, которыми он подкреплял свое мнение, под стать только что перечисленным. Приведу самое существенное из его аргументации. Во-первых, при устье... нет, опять же не Смородинки, а другой, более крупной и известной реки Свапы, впадающей неподалеку от Курска в реку Сейм, есть городище Соловейня, или Соловень-гора. В XI–XIII веках тут было укрепленное поселение, которое Ю.А. Липкинг сравнивает с жилищем Соловья, защищенным, согласно былине, крепкой оградой. А главное – «у местного населения до сих пор бытует предание, что именно здесь и находилось гнездо Соловья-разбойника». Вот так!

Думаете, притязание на право считать себя земляками Соловья этим исчерпывается? Отнюдь нет. «Прописывали» знаменитого разбойника и на Украине. Во всяком случае, один крестьянин, от которого в прошлом веке записали прозаический пересказ сюжета о Соловье, деловито сообщил, что лесная застава разбойника была устроена как раз на том месте, где теперь находится село Соловиевка (ныне – Житомирской области). Поскольку рассказчик в этой самой Соловиевке проживал, его слова, согласитесь, имели некоторый вес. Снабдил он «привязкой на местности» и следующий эпизод, когда Илья по пути в Киев вместе с пленным Соловьем

⁶ В.Э.: На карте №1 БСЭ-3 отмечена Рязань.

⁷ В.Э.: Я полагаю, что в основе былины лежит реальный военный поход и что этот реальный поход совершался из Чернигова (а не из Мурома) с целью «освободить» «прямоезжий» проход от Чернигова (и далее от Киева) к отдаленным восточным крепостям славян (таким как Рязань и Муром). В результате этого похода (или, возможно, нескольких таких походов) вся территория от Чернигова и почти что до указанных восточных крепостей вошла в состав «Черниговских земель», как это видно по карте № 2 из БСЭ-3. Когда позже героем былины сделали Илью Муромца, направление похода было перевернуто и возникло хронологическое противоречие: сначала Чернигов, потом Брынские леса.

проезжает мимо его дома. Соловей с семейством, по уверению рассказчика, обитал в селе Грузском (на территории нынешней Киевской области). Между прочим, дорога из Соловиевки в Грузском действительно лежит в направлении на Киев...

Тех читателей, кто уже прикидывает, какая из локализаций сюжета заслуживает наибольшего доверия, я прошу учесть еще один адрес: село (поселок) Языково Ульяновской области. С ним связано следующее предание, опубликованное пару десятилетий назад: «Речка, которая течет через село Языково и пруды питает, Соловьём называется. А название-то, говорят, вот откуда пошло. Начало та речка берет из двенадцати ключей в горах за Языковым, ключи в лесу начинаются. В нем, в лесу этом, жили когда-то давным-давно разбойники. Атаманом у них был человек по прозвищу Соловей. Вот и говорили, что речка течет от Соловья. А поэтому и речку Соловьём назвали». Несмотря на значительный отход от былинных подробностей (двенадцать дубов, например, превратились в двенадцать лесных ключей), все же ясно, что речь и тут идет о «нашем» Соловье-разбойнике.

Можно, конечно, оценивать каждую географическую привязку деятельности Соловья по тому, насколько она соответствует маршруту Ильи Муромца. С этой точки зрения «карачевский» вариант вне конкуренции. Но за всеми местными преданиями о Соловье-разбойнике просматривается единая схема, широко распространенная в фольклоре и достаточно хорошо изученная фольклористами.

Историческое сознание народа не довольствуется только хранением «преданий старины глубокой». Практически всегда находятся местные достопримечательности, природные образования, топонимы, не охваченные устной историей, но вызывающие любопытство: как это возникло? почему так называется? И народная мысль искала ответы, восполняя эти пробелы в исторической памяти выдуманными версиями. Если придумка походила на правду и была к тому же красивой, интригующей, ее начинали передавать из уст в уста, из поколения в поколение – и спустя сравнительно короткий срок она уже воспринималась как предание, тянущееся из глубины веков.

К примеру, есть в Поволжье гора, которую местные жители окрестили Лепешкой. Почему? Даже не видев этой горы, мы вправе предположить, почти не рискуя ошибиться: за ее приплюснутую форму. Однако такое объяснение казалось, видимо, слишком прозаическим, будничным, и обитатели тех мест рассказывают совершенно иное: гору прозвали Лепешкой потому, что когда-то с нее Стенька Разин сбрасывал ограбленных им купцов, «они и разбивались в лепешку». Спору нет, соблазнительно связать местное название или местный объект с популярным деятелем прошлого. Благодаря этому родной край приобщался к «большой» истории. Потому что, скажем, о пребывании Петра I «вспоминали» и там, где он никогда не был, любое старинное оружие на Урале пытались объявить пугачевским, а основателем практически каждой станицы на Дону называли Ермака Тимофеевича.

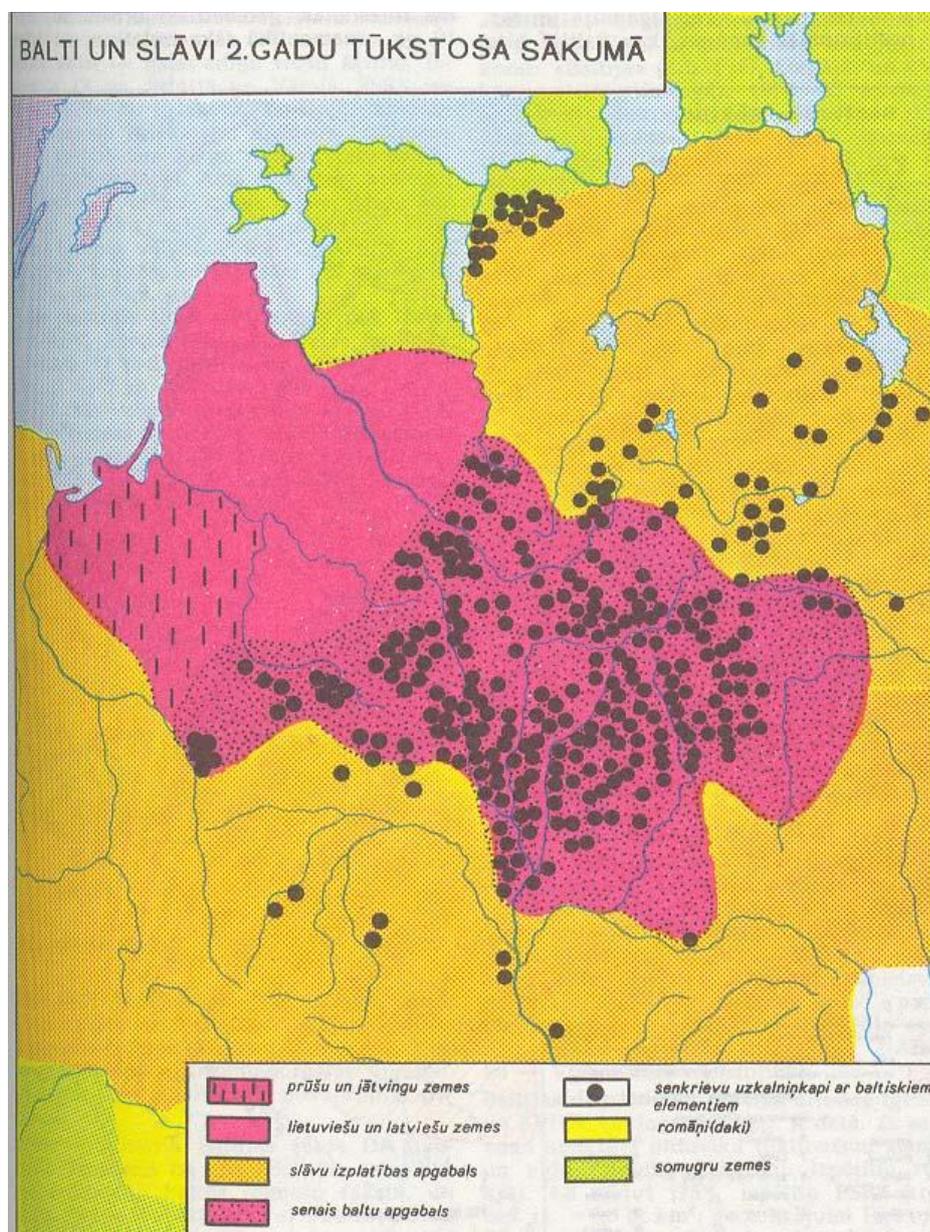
Тот же принцип лежит в основе преданий о Соловье-разбойнике: берется местное название, перекликающееся с именами собственными в былинном сюжете, – и утверждается, что как раз в этих местах и находились владения Соловья. Три таких утверждения – относительно Языкова, курской Соловейни и украинской Соловиевки – явно не могут быть истинными. Почему же мы должны доверять четвертому, абсолютно однотипному с ними «воспоминанию» о заставе Соловья в районе Карачева? Только из-за близости тамошних Девяти Дубов и реки Смородиновки к местам, указанным в былине? Но ведь сама эта близость и могла подтолкнуть местных жителей к предположению, что действие знаменитой быliny разворачивалось некогда в их краю. Доказать же, что подобные рассказы и впрямь дошли до нас со времени тех событий, ничем пока нельзя. По справедливому замечанию крупнейшего знатока былин А.М. Астаховой, «названия реки и села могли возникнуть и в более позднее время, а самый факт существования в старину чисто местных преданий о Соловье-разбойнике не установлен».

Так что, вопреки первому впечатлению, надежды найти географические ориентиры у нас мало. Собственно говоря, полного доверия заслуживает только один: Брынские (Брянские) леса, без дальнейшей конкретизации места. Но и этого, как мы сейчас увидим, достаточно, чтобы сделать кое-какие выводы об исторической сущности Соловья-разбойника.

* * *

Брынские леса – это часть обширной территории, которую в период формирования древнерусской государственности населяло племя вятичей. Географическое положение земли вятичей предписывало ей стать связующим звеном между «центром» и северо-восточными

«окраинами» нарождающегося государства. Однако в реальной жизни долгое время было иначе. Наш видный историк В.О. Ключевский отмечал: «До; половины XII в. не заметно прямого сообщения Киевской Руси с отдаленным Ростово-Суздальским краем. (...) Когда ростовскому или муромскому князю приходилось ездить на юг в Киев, он ехал не прямой дорогой, а делал длинный объезд в сторону». Путь обычно лежал через верховья Волги и Смоленск.

Карта из Латвийской Большой советской энциклопедии (1981 г.)⁸

Почему же княжеские дружины так старательно огибали владения вятичей? Вряд ли причиной были только труднопроходимые дебри и болота. Ведь для купеческих караванов земля вятичей и в те годы была «проницаема». Через нее уже с IX века проходил торговый путь, связывавший Киев с Волжским Булгаром. Поднявшись вверх по Десне, купцы волоком переправляли свой груз в верховья Оки, а по ней попадали в Волгу. Но то, что удавалось мирным торговцам, очень нелегко было осуществить людям, приходившим сюда с другими намерениями...

⁸ В.Э.: Надписи на карте: БАЛТЫ И СЛАВЯНЕ В НАЧАЛЕ 2-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ; земли пруссов и ятвингов; земли литовцев и латышей; область распространения славян; древняя область балтов; древнерусские курганы с балтскими элементами; романы (даки); угрофинские земли.

Исследователи давно обратили внимание на красноречивую фразу в «поучении» Владимира Мономаха. Перечень своих походов он начинает так: «Первое, к Ростову идох, сквозе вятичи, посла мя отецъ...» (князь был в ту пору еще отроком). Читатель сразу чувствует, что слова «сквозь вятичи» – не просто уточнение маршрута; Мономах и на склоне лет был горд тем, что к Ростову он тогда шел не окольным, а прямым путем. Аналогичный оборот мы встречаем в тексте «Поучения» еще дважды, и каждый раз он несет в себе недвусмысленную эмоциональную нагрузку. «...И пройдох сквозе половечьскыи вой (половецких воинов), бьяся, до Переяслявля...» – сообщает князь в одном случае. Вспоминая другой яркий эпизод своей жизни, он рассказывает, как с небольшой дружиной «и с детми и с женами» ехал «сквоз полкы воловьчские», а половцы «облизахутся на нас акы волци», но не посмели напасть, и русичи «неврежени» добрались до места назначения. О препятствиях, которые чинились во время его первого похода в землю вятичей, Владимир Мономах даже не находит нужным говорить, очевидно, полагая, что не только его современникам, но и потомкам, которым адресовано «Поучение», и без того понятно, чего это стоит – проехать «сквозь вятичей»...

Действительно, вятичи дольше и упорнее других восточнославянских племен сохраняли свою обособленность, сопротивляясь властным притязаниям киевских князей.⁹ В 966 году князь Святослав, как сообщает летопись, «вятичи победи... и дань на них възложи». Но зависимость от Киева вятичи терпели недолго. В 891 году сыну Святослава Владимиру опять пришлось облагать их данью с помощью вооруженной силы. Уже через год вятичи восстали («заратишася»). Владимир Святославич снова отправляется в поход против них, снова их побеждает – но и эта победа не была окончательной. Еще два раза («по две зимы») довелось воевать с вятичами Владимиру Мономаху.

По-видимому, именно ему принадлежит большая, если не решающая заслуга в том, что сопротивление вятичей было в конце концов сломлено и их земля стала «проходимой». Как считает археолог Т.Н. Никольская, благодаря походам Мономаха была проложена дорога из Киева в Ростов, шедшая через Карачев, Москву и другие поселения вятичей. Вскоре установилась и дорога в северо-восточном направлении, почти совпадающая с былинным маршрутом Ильи Муромца. Свидетельством ее появления служит такой факт. В середине XII века обособляется и возвышается Рязанское княжество. «...Перемены объясняются, очевидно, тем, что к этому времени, – пишет Т.Н. Никольская, – были проложены пути в Рязань через вятичские леса, что приблизило ее к южным русским центрам. Именно к этому времени (середина XII в.) относится строительство оборонительных сооружений вокруг города и интенсивное строительство на Южном городище».

Заметьте, что датировка начала регулярных поездов «сквозь вятичей», опирающаяся на археологические данные, полностью согласуется с той, которую сделал В.О. Ключевский на основе летописных известий. С середины XII века никаких сведений о движении окольными путями уже нет.¹⁰ Юрий Долгорукий, воевавший в 1149–1154 годах с князем Изяславом, водил свои полки из Киева в Суздаль через Чернигов и Рязань. В 1299 году митрополит Максим, по словам летописи, «иде из Киева к Брянску, а от Брянска иде в Суздальскую землю». Дорога через землю вятичей функционировала теперь нормально.

Все подталкивает к мысли, что в сюжете о первом подвиге Ильи Муромца отразилась борьба за прокладывание этой дороги. В пользу такого вывода, помимо географических совпадений, говорит всё та же хронология. Заманчиво подключить к анализу еще одну датиров-

---

⁹ В.Э.: Это так отразилось в русских источниках, не сохранивших никаких сведений о дославянском населении «Руси». На самом деле сопротивление русским князьям оказывали вовсе не славяне-вятичи, а древние балты, которым все эти земли принадлежали до прихода славян. На карте из «Латвийской Большой советской энциклопедии» (1981 г.) показаны ареалы проживания балтов и славян в начале второго тысячелетия нашей эры (по археологическим данным). Видно, что славяне (желтый цвет) уже окружают балтов (красный цвет), но балты действительно мешают «беспрепятственному» сообщению между Киевом и славянами, проживающими восточнее и севернее балтов. Так что совершенно очевидно: в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике отражено столкновение славян (русских) с балтскими племенами, оказавшими сопротивление русскому нашествию. К 19 веку русская (и мировая вообще) историческая наука о балтах на территории нынешней России уже не знала абсолютно ничего. Все воспоминания были полностью стерты и выветрены. Только во второй половине XX века сначала по гидронимам, а потом также и по археологическим и другим данным была восстановлена подлинная картина.

¹⁰ В.Э.: Стало быть, это время, когда балты в «Брянско-Брянских» областях были побеждены.

ку, на сей раз имеющую прямое отношение к былине. Историчность Ильи Муромца до сих пор надежно не доказана, однако киево-печерский монах Афанасий Кальнофойский писал в 1638 году, что Илья жил за 450 лет до этого, то есть, получается, «около 1188 года». Характер сообщения не покажется странным, если считать, что зафиксированной осталась только дата кончины воителя, которую и имел в виду Афанасий. Таким образом, молодые годы Ильи пришлось бы на середину XII века.

Верны эти сведения или нет, но по другим источникам можно заключить, что слава об Илье Муромце, устные произведения о нем стали широко распространяться именно в XII веке. Последнее обстоятельство для нас даже важнее. Наивно ведь предполагать, будто Илья Муромец на самом деле очистил ту «дорожку прямоезжую». В былине мы имеем народно-поэтическую концепцию событий, которая заведомо отлична от реального их хода. Многолетние и многообразные усилия по налаживанию пути «сквозь вятичей» эпос представил как однократное деяние, все заслуги, по законам жанра, приписаны богатырю из народа, да и вообще инициатива тут, как уверяет былина, принадлежала не «центру», а «провинции». Так что стать главным действующим лицом тех событий Илья мог лишь в народной фантазии. Но предпосылки к зарождению этой выдумки, в том числе хронологические, имелись. Поскольку фольклорная биография Ильи Муромца начинала складываться именно в то время, когда все препоны на пути через леса вятичей были наконец-то ликвидированы, это достижение оказывалось благодатным материалом для создания былины о *первом* подвиге богатыря, которому для поступления на службу к киевскому князю как раз требовалось проехать теми лесами...

Получается, застава Соловья символизировала собой непокорное племя вятичей? В свете приведенных фактов эта трактовка очевидна, и ее уверенно предлагали еще ученые прошлого века. Дополнительным аргументом в ее пользу является известное сходство образа жизни Соловья-разбойника с бытом вятичей. Последние, согласно «Повести временных лет», «живяху в лесех, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто...». Пусть даже киевский летописец преувеличил дикость вятичей,¹¹ нет сомнений, что он опирался на расхожие представления о них, сложившиеся на Руси, и образ вятича, сидящего на дереве, с этими представлениями, надо думать, вполне гармонировал.¹² Кроме того, среди обитателей лесной глуши медленнее устанавливались феодальные отношения, в былине же настойчиво подчеркивается: Соловей живет в тесном родственном кругу. Легко предположить здесь намек на патриархально-родовой уклад жизни вятичей, который людям из «более цивилизованных» русских земель, например, тому же Илье Муромцу, казался уже архаичным.¹³

Ясно, что гипотеза о Соловье-вятиче предполагает отход от тривиального понимания этого персонажа как разбойничьего атамана. Оправдан ли такой шаг? Г. Пясецкий и В. Никольский в «Исторических очерках города Карачева» приводили следующий резон: «Победа над простым атаманом шайки не подняла бы так Илью Муромца в глазах могучих богатырей князя Владимира и не снискала бы ему столько почета и удивления в первопрестольном Киеве. Другое дело, когда Илье Муромцу удалось доставить пленником на великокняжеский двор племенного князя вятичей, обладавшего недоступным лесами! Тогда вполне понятными становятся заслуги богатыря и восторги киевского князя, пожелавшего потешиться над униженным соперником своего могущества». Соображения, в общем-то, разумные; однако следует учесть, что «мера вещей» в эпосе не всегда совпадает с реально-исторической, а Соловей-разбойник как раз и наделен эпической, немислимой для реального человека мощью.

Куда более существенно в данном случае другое обстоятельство, также отмеченное исследователями. Дело в том, что типичных для разбойника действий Соловей не совершает. Говоря словами академика Б.А. Рыбакова, «Соловей – не обычный разбойник на большой дороге, который живет за счет проезжих торговых караванов, наоборот, он – жестокий и неразумный домосед, владелец земли, не позволяющий ездить через его леса». Специфичность поведения Соловья-разбойника ярче всего проступает на фоне другого былинного сюжета – о встрече Ильи Муромца с шайкой разбойников-станичников, которые, как и положено «настоящим» разбойникам, хотели его ограбить, но получили надлежащий отпор. Деятельность Соловья являлась

¹¹ В.Э.: Археологические данные показывают, что у балтов культурный уровень был выше, чем у пришлых славян сначала. Так, у балтов уже давно имелись обширные строения (у Соловья «широк двор», «высок терем», «палаты белокаменные»...), а славяне сначала жили в землянках.

¹² В.Э.: На деревьях сидели, разумеется, наблюдатели, но об этом попозже.

¹³ В.Э.: Не думаю, чтобы имелись какие-нибудь существенные отличия в организации семьи между балтами и славянами. Просто славяне изображали своих врагов дикарями – обычное дело.

разбоем скорее в общегосударственном, нежели криминальном смысле, так что искать в ней отголоски политических баталий Древней Руси вполне оправданно.

Вместе с тем сказанное не означает, что можно опять свести фигуру Соловья-разбойника к исторической конкретике и видеть в нем «племенного князя вятичей» или какое-то другое, столь же определенное лицо. Оговорка, что это образ собирательный, символический, тоже будет недостаточной. Надо трезво оценивать пределы, до которых вообще возможно его постижение с помощью реально-исторического анализа. Этот анализ позволяет нам понять лесной образ жизни Соловья, реальную мотивацию его разбоя, привязанность его действий к определенному региону – вот, пожалуй, и все. Образ же как целое, его яркая необычность остаются при этом неразъясненными, и даже добавление в будущем новых штрихов к исторической характеристике Соловья-разбойника вряд ли кардинально изменит ситуацию.

Давно пора уже признать, что стремление «видеть в нем только человека» (тезис А.А. Потемби) по сути своей ошибочно. Ибо человек, конечно, может и залезать на деревья, и сильно свистеть, и носить прозвище Соловей, но чтобы все это случайно совпало в одном человеческом образе – маловероятно. В фигуре Соловья-разбойника подобные черты объединила глубокая внутренняя связь, идущая от представления о его *птичьей* натуре. Недаром же некоторые исполнители былины добавляли к традиционным атрибутам Соловья то крылья, то способность летать, а иные прямо называли его «птицей».¹⁴ Не случайны и соответствующие деформации образа в прозаических пересказах сюжета.

Существует, правда, еще одна точка зрения: во всем «виновато» имя персонажа. Дескать, изначально в былине шла речь о человеке по прозвищу Соловей, но потом его имя было воспринято как нарицательное, и постепенно народная фантазия приписала разбойнику смертоносный свист¹⁵ и другие свойства чудовищной птицы. Это мнение кочует по страницам научных работ давно, однако так и не обросло аргументами и наблюдениями, которые бы подтверждали, что нечто подобное действительно могло иметь место. Напротив, легко привести факт, ставящий эту гипотезу под сомнение. В эпосе ведь у Соловья-разбойника есть тезка – заморский жених Соловей Будимирович, которому посвящена отдельная былина. И он, несмотря на имя, никаких птичьих черт не приобрел, хотя времени у него для этого тоже было предостаточно (сложение былины о Соловье Будимировиче относят обычно к середине XI века).

Нет, не удастся «растворить» фантастику образа Соловья-разбойника в реалиях древнерусской жизни. Исторический комментарий помог нам вскрыть только верхние, самые близкие к нам по времени слои этого образа, а под ними обнаруживаются более древние и куда менее ясные.

Миф?

Как много значит в науке обыкновенная наблюдательность!..

В конце XIX века В.Ф. Миллер, будущий академик, обратил внимание на деталь, мимо которой проходили ученые как до, так и после него. Курьезно, но и сам Миллер, увлекшись позднее изучением исторической основы былин, в том числе и былины о Соловье-разбойнике, к своему наблюдению уже не возвращался. А жаль. Оно способно стать тем кончиком нити, потянув за который можно постепенно распутать если и не весь клубок загадок образа Соловья, то, во всяком случае, его немалую часть.

Вот над чем задумался В.Ф. Миллер: «Илья, по-видимому, не желает убить Соловья, а между тем пускает ему стрелу в глаз¹⁶ – в одно из самых уязвимых мест. Былины говорят даже, что стрела вышибла Соловью правое око с косицею или вышла в левое ухо, за чем, казалось бы, должна последовать немедленная смерть. Это стреляние в глаз, однако без цели убить, представляется нам странным». Противоестественность ситуации, добавлю, почувствовал не только ученый. Несколько исполнителей былины, а также переписчиков повести о Соловье-разбойнике сделали одну и ту же примечательную ошибку: сообщили, что Илья Муромец убил Соловья при первой встрече, хотя далее в их текстах разбойник как ни в чем не бывало

¹⁴ В.Э.: Это все потому, что у любого рассказчика естественно возникала ассоциация, что имя «Соловей» связано с птичкой соловьем. Отсюда и все «птичьи» фантазии. А на самом деле имя героя никак не связано с птицей – соловьем.

¹⁵ В.Э.: А свист был, но он тоже не имеет отношения к птице.

¹⁶ В.Э.: На деревьях сидели балтские наблюдатели, задачей которых было, завидев приближение русских войск, «свистом» (звуковым сигналом, о котором ниже) предупредить население. Пленение или убийство этих наблюдателей лишало балтов «глаза». Это и отражает символика былины.

разговаривает, свистит и т.п. Столь сильной оказалась подсознательная уверенность, что богатырский выстрел в глаз должен быть смертелен...

Разгадка этого парадокса, найденная В.Ф. Миллером, проста и правдоподобна. «Нам кажется, – писал он, – что в стрелянии именно в глаз нужно видеть *survival* (пережиток. – Ю.М.) того сказочного мотива, что для некоторых чудовищных или вообще исключительных существ смерть возможна под условием поражения только одного определенного места на теле». Действительно, в эпосах народов мира единственным уязвимым местом противника главного героя иногда является глаз. Но даже если соответствующий мотив в былине знаменовал собой лишь богатырскую меткость стрельбы и ничего больше – все равно выстрел в глаз предполагает смерть, и, таким образом, В.Ф. Миллеру удалось нащупать в сюжете былины о Соловье-разбойнике след *другого*, более старого сюжета с несколько иной логикой противоборства.

Опираясь на это наблюдение, можно представить себе следующее. Как и у других народов, у восточных славян издревле существовало сказание о победе некоего героя над мифологическим чудовищем. Выехал этот герой на схватку с непобедимым прежде врагом, выдержал его атаку – и убил стрелой в глаз. Не исключено, что завершалось сказание так же, как и некоторые упоминавшиеся ранее прозаические тексты: герой разрубил тело грозного Соловья на кусочки, и они превратились в безобидных соловьев.

Позднее, в пору интенсивного формирования былевого эпоса, древний сюжет использовали для создания былины на куда более актуальную тему борьбы за целостность Русского государства. Героя сделали крестьянином из Муромской земли, его противник Соловей стал олицетворением сепаратистов-вятичей, был добавлен эпизод с освобождением Чернигова. Сместились и сюжетные акценты. Все помыслы героя в былине центростремительны: он отправляется из дома не на бой с Соловьем, а на службу к киевскому князю, и даже путь через разбойничью заставу он предпочитает не только потому, что храбр, силен и верит в победу над Соловьем, но и потому еще, что так быстрее добраться до Киева. Соответственно и заслуга в ликвидации разбойника становится для Ильи «пропуском» в круг главных киевских богатырей. Это навело создателей былины на мысль продлить сюжетное существование Соловья. Илье нужно было *предъявить* его в Киеве,¹⁷ причем лучше живым, во всей его мощи, чтобы Владимир и князь-бояре на себе испытали силу его свиста и по-настоящему оценили подвиг Ильи, избавившего Русь от такой напасти, а заодно и были наказаны за оскорбительное недоверие к рассказу богатыря.

Переделка старого сюжета на новый лад прошла в целом успешно, однако кое-какие нестыковки остались. И это не только противоречие между новой задачей героя в борьбе с врагом и прежним способом его поражения («стреляние в глаз без цели убить»). Сама раздвоенность образа Соловья легко объяснима совмещением двух разновременных сюжетных пластов. Вспомним: ощущение двуликости персонажа рождается благодаря контрасту между первой (как теперь ясно, древнейшей) частью былинного сюжета, где Соловей выглядит чудовищем, и частью второй, в которой он очеловечен. Не случайно у разбойника в былине оказалось *два* жилища – гнездо,¹⁸ естественное для мифической птицы, и дом, подходящий историзированному врагу.

Короче (и упрощенно) говоря, былинный Соловей-разбойник – это миф, одетый в исторические одежды, и фантастическая сущность образа сложилась в недрах мифологии. Посмотрим теперь, что способен прибавить к пониманию его анализ с этих позиций.

* * *

Безусловно, правы те, кто возводит сюжет о Соловье к общеиндоевропейскому мифу о борьбе со Змеем, изначально – воплощением опасных для человека природных сил. Здесь нашими союзниками опять-таки являются носители фольклора. Когда исполнители забывали имя Соловья-разбойника, они чаще всего называли его Змеем. Отдадим должное их чутью: признаки родства двух персонажей не всегда очевидны.

В восточнославянском фольклоре – ограничимся этим кругом источников – Змей обычно летает. У Соловья-разбойника такая способность подразумевается «по определению», хотя в сюжете он ее не реализует. В отличие от Змея у Соловья только одна голова (иначе и мотив

¹⁷ В.Э.: Видимо, какой-то балтский вождь действительно был пленен и доставлен в Киев вместе с использовавшимся балтами устройством оповещения о тревоге (сиреной).

¹⁸ В.Э.: Гнездо не жилище, а наблюдательный пункт – сторожевой пост.

поражения в глаз лишился бы смысла), но отсутствие змеиной многоглавости своеобразно компенсировано множественностью дубов, на которых сидит Соловей. Самый явный общий признак – тяготение того и другого персонажа к реке, которая в сказках тоже зовется Смородиной. После убийства сказочного Змея на героя часто нападает змеиха; этот мотив, вероятно, послужил импульсом к созданию соответствующего эпизода былины, когда кто-то из родственников Соловья (как правило, дочь) пытается отбить его у Ильи. Есть и другие параллели, вкуче не оставляющие сомнений в «змеиной» родословной Соловья-разбойника.

Для нас важнее всего определить, восходит ли звуковое оружие Соловья к каким-то способностям Змея. Поначалу такая связь не просматривается. Восточнославянский Змей может проглотить человека, угрожает спалить его огненным дыханием, вбивает (непонятно чем) своего противника в землю – от свиста Соловья-разбойника все это очень далеко. Правда, перед боем Змей и его будущий победитель, сказочный богатырь, заняты не совсем обычным делом: они выдувают ток, площадку для битвы. «Змей как дунул – где были мхи, болота, стало гладко, как яйцо, на двенадцать верст». Этому тоже можно было бы не придать особого значения, если бы не постоянные указания на радиус действия Змеиного дуновения, составляющие вспомнить столь же устойчивую фразу о том, что Соловей-разбойник «бывал свистом за двенадцать верст» (конкретное расстояние, как и в сказках про Змея, варьруется).

Впрочем, и это еще зацепка частная, мало что доказывающая.

Ощущение настоящего «попадания» возникает при обращении к шуточной сказке о споре Змея (в позднейшей версии – черта) с человеком: кто сильнее свистнет? Змей свистнул так, что полетели листья с деревьев, а человек едва устоял на ногах; когда настал его черед, человек велел Змею закрыть глаза, а сам что есть силы «свистнул» по нему дубиной – и глупый Змей признал свое поражение в споре. Наконец-то мы встретились со змеиным свистом (в основе которого легко распознается гиперболизированное шипение змеи), причем его последствия тождественны некоторым эффектам свиста Соловья-разбойника.

Попытаемся понять, как возник этот сюжет. Он входит в цикл коротеньких сюжетов о состязании человека со Змеем (чертом, великаном и т.п.), в своих истоках отчасти пародирующий «серьезное» змеборчество. Если сказочный богатырь, воюющий со Змеем всерьез, действительно может поспорить с ним в силе, то герою пародийных сюжетов всякий раз приходится прибегать к обману, пользуясь глупостью противника. Например, когда Змей в доказательство своей силы раздавил в руке камень, его соперник – человек сдал в руке сыр (или творог), уверяя, что это камень, из которого он выжал воду. Может показаться, что и соревнование в свисте – только пародия на эпизод вроде поочередного выдувания Змеем и богатырем тока. Но зачем тогда понадобилось превращать дуновение в свист? И дубина – оружие совсем не пародийное. Мифологи считают, что в змеборческих сюжетах дубина (палица, булава) богатыря предшествовала луку или мечу. Так что в пародийной сказочке, на мой взгляд, отразился еще один, весьма архаичный сюжет, в котором, по-видимому, Змей пытался погубить героя свистом, а в ответ получил смертельный удар палицей. Доказать бытование в старину такого сюжета трудно, однако на то, что существовал по крайней мере такой тип Змея, указывает ряд фактов, в частности, использование литературой Древней Руси образа змия, который «страшен свистанием своим» (цитирую «Моление» Даниила Заточника). А от свистящего Змея один шаг до свистящего Соловья-разбойника.

И все же, как бы там ни было, Соловей – фигура уже иного качества. Даже американский славист А. Александер, прямолинейнее всех отстаивающий понимание былинного разбойника как трансформированного Змея, вынужден признавать, что «Соловей являет собой радикальный отход от сказочного прототипа». Например, бросается в глаза следующее. Змей восточнославянского фольклора очень подвижен; к месту схватки с богатырем он прибывает сам. Соловей же разбойник, если взять первую, мифологическую часть сюжета о нем, абсолютно статичен, да и в «историческом» продолжении сюжета он передвигается исключительно по воле Ильи. Можно, конечно, предположить, что Соловей-разбойник лучше, чем змееподобные персонажи нашего фольклора, сохранил древнюю функцию Змея-стража, охранявшего либо границу потустороннего мира (ею часто бывала река), либо сокровища, и потому достаточно статично. Но дело, думается, не только в этом. На формирование фигуры Соловья оказали влияние еще какие-то образы и представления.

Многие исследователи, начиная с Ф.И. Буслаева, проводили параллель между Соловьем-разбойником и пресловутым Дивом из «Слова о полку Игореве». Характер этой связи, однако, до

сих пор остается непроясненным, а образ Дива – загадочным. Так что у нас есть все причины познакомиться с ним поближе.

Новгород-северский князь Игорь, не вняв грозному предзнаменованию в виде солнечного затмения, шел с войском на половцев. «Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь, стонуши ему грозою, птичь убуди; свист зверин вьста, зби [ся] Див, кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутараканьский блъван». Без перевода не очень понятно, но и перевод – дело трудное. Из-за неоднократного переписывания текста в нем накопились ошибки, не всегда даже можно быть уверенным в правильной разбивке на слова. Так, в первом издании памятника в цитированном месте была фраза «свист зверин с стазби», и переводчики долго ломали головы, что бы это значило, пока, наконец, большинством голосов не решили, что надо читать «свист зверин вьста (поднялся)», а «зби» – это усеченная глагольная форма «збися», относящаяся к Диву: «взбился (встрепенулся) Див и т.д.». С учетом этой гипотетической, но на сегодняшний день практически общепринятой поправки постараемся разобраться в сути сообщенного.

Раскаты грома в подступивших сумерках пробудили птиц. Далее упомянут загадочный «свист зверин». Некоторые комментаторы «Слова» (например, зоолог Н.В. Шарлемань) полагают, что речь идет о свисте потревоженных сусликов. Мысль остроумная; однако сравнение с былиной делает возможным и другое толкование. Соловей-разбойник ведь не только свистит, но и ревет по-звериному. Не подобное ли многоголосие сжато отражено и в формуле «звериного свиста»? Во всяком случае, контекст позволяет отнести это выражение именно к Диву: «свист звериный поднялся – [это] взбился Див, кличет на вершине дерева...». Вкупе с предшествующим упоминанием разбуженных птиц получается цельная картина переполоха на верхнем ярусе поэтического ландшафта «Слова».

Клич Дива разносится на огромное расстояние. Он слышен на Волге, на побережье моря (Черного? Азовского?), на притоке Днепра Суле, в крымских городах Корсуне (Херсонесе) и Суроже (Судаке), наконец, в Тмутаракани, знаменитой в ту пору, очевидно, каким-то языческим идолом («болваном»). Смысл этого утверждения «Слова» невозможно понять, не зная реальной обстановки, в которой совершался поход. По летописному рассказу о тех событиях, разведка сообщила Игорю, что напасть на половцев внезапно не удастся, они разъезжают по степи, во всеоружии готовые встретить русских. В поэтической версии событий, созданной автором «Слова», приближение русских воинов выдал крик Дива. Следом за его криком и как бы в ответ ему скрипят («крычат», будто лебеди) телеги половцев, спешащих к Дону.

Слышимый от Волги до Тмутаракани голос Дива тоже заставляет вспомнить звуковое оружие Соловья-разбойника, обладавшее, как сказали бы военные, большим радиусом поражения. Тут, правда, нужно принять во внимание особенности художественной манеры автора «Слова». Например, он говорит про деда Игоря, воинственного князя Олега, стяжавшего себе горькую славу усобицами с другими русскими князьями: когда Олег вступал «в злат стремь в граде Тьмуторокане», от звона стремени его соперник Владимир Мономах «уши закладаше (затыкал) в Чернигове». Голос Ярославны, плачущей по Игорю в Путивле, слышен на далеком Дунае; и наоборот, по возвращении Игоря из половецкого плена «девицы поют на Дунай, выются голоси через море до Киева». Было бы странным думать, будто автор допускал такую слышимость звуков на деле. Конечно, для него это лишь условные, поэтические формулы быстрого распространения худой или доброй вести, общей радости или печали. Выходит, и «предупреждение» Дива далеким городам и землям следует понимать как поэтическую условность, а зычность его голоса не стоит оценивать буквально по тексту. Все же отметим для себя, что из всех звуков, раздававшихся в ночи, – а в этом же эпизоде упомянуты и голоса волков, и орлиный клекот, и лай лисиц, – автор «Слова» выбрал для гиперболизации именно крик Дива. Для этого должны были быть какие-то основания в характере самого персонажа.

Мы вплотную уперлись в вопрос, кто же такой этот Див. От ответов, предлагавшихся исследователями и переводчиками «Слова», пестрит в глазах. Ранние комментаторы считали Дива обыкновенной птицей – филином или удоном, крик которых навевает страх и кажется недоброй приметой. Другие видели в нем сидящего на дереве разведчика (к этому относились цитированные ранее слова Н.П. Павлова-Бицьша о «дозорах» на дубах) или некий «маяк» с трещоткой, установленный половцами для сигнализации о передвижении русских. Не было недостатка и в мифологических истолкованиях Дива, от обтекаемых («зловещая мифическая птица») до вполне конкретных: леший, грифон. Его отождествляли даже с реликтовым гоминоидом, то бишь «снежным человеком»... Разброс мнений понятен. В сущности, автор

«Слова» загадал исследователям загадку: «Что такое – сидит на дереве и кличет?» Отгадки могут выглядеть более или менее подходящими, но при том мизере информации, который выдает о Диве текст памятника, принципиально допустимо множество ответов, и окончательный выбор между ними, опираясь только за эти сведения, сделать невозможно.

Определенный просвет появляется при рассмотрении лингвистического аспекта. Дело в том, что имя Див с несомненностью восходит к индоевропейскому обозначению сначала неба, затем – небесного божества и бога вообще (ср. древнеиндийское «дева», латинское «дивус» и т.п.). В балтской мифологии, близкородственной мифологии славян, верховным богом числился Диевас. О вероятном существовании славянского аналога, помимо общих соображений, говорит и то, что церковная литература средневековья, бичующая пережитки язычества, кроме почитания в народе известных богов древнерусского пантеона – Перуна, Хорса, Мокоши, – отмечает и поклонение какой-то Диве.

Вместе с тем Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, видные специалисты в области мифологии, на выводы которых я здесь опираюсь, обоснованно предполагают постепенный переход Дива или Дивы с высших уровней мифологической системы на более низкие, попросту говоря, переход из разряда богов в разряд демонов, духов природы. Параллельно этот персонаж мог приобретать все более негативную окраску. Нечто похожее произошло в иранской мифологии, где «дэвы» или «дивы», некогда почитавшиеся в качестве богов, выступают как злые духи, борьбе с которыми уделяют много сил эпические герои. Замечу, что понижение статуса славянского Дива могло сопровождаться его снижением в прямом, пространственном смысле. Вершина дерева вместо неба – естественная «промежуточная» обитель существа, эволюционирующего от бога, скажем, к лесному духу.

Итак, сравнительный анализ склоняет к пониманию Дива как мифологического персонажа. Правда, его конкретный облик и сюжетные функции от этого не стали яснее. Но ведь Див в «Слове о полку Игореве» упоминается еще один раз. Может быть, это второе упоминание прольет больше света на загадочный образ?

Обстановка после первого его выхода на сцену круто изменилась. Войско Игоря разбито, сам он, раненый, в плену, воодушевленные своей победой половцы ринулись на Русь. Эта ситуация охарактеризована следующими словами: «Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса Дивъ на землю». Две фразы ясны и соответствуют ситуации: бесчестие одолело славу, а насилие – волю. Но при чем тут сообщение, что Див, по разным переводам, бросился, низвергся, низринулся, спустился и т.п. на землю? Как могло такое «событие» символизировать беды, обрушившиеся на Русь? Этот пункт для интерпретаций Дива оказался особенно сложным.

Представляется, что и тут ближе других к истине Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, видящие в данной фразе отголосок индоевропейского мотива падения на землю небесного божества. Вероятно, для восточнославянского Дива – добавлю от себя – подразумевалось уже падение с дерева. Само же выражение с давних пор могло служить иносказательной, «поговорочной» характеристикой нарушения привычного миропорядка, наступления плохих времен. Все это очень гадательно, но более твердых выводов из имеющегося материала, боюсь, и не сделать.

Вся беда (для нас) в том, что создатель «Слова» использовал отдельные черты Дива, оставив «за кадром», за строкой своего повествования всю полноту связанных с ним сюжетов и поверий. Предполагалось, что читатель сам понимает, кто такой Див, чем опасен его крик и что знаменует собой его низвержение на землю. В результате перед нами только прерывистый и бесплотный контур какого-то мифа или мифов, нам уже неизвестных.

И все-таки даже сохранившаяся информация пригодна для сопоставлений. Давайте отвлечемся от всех гипотез о Диве и подытожим то, что мы достоверно знаем из «Слова». Это некое существо, которое громко кличет (возможно, и свистит), сидя на дереве, а затем низвергается на землю. Нельзя не увидеть здесь параллелизма с основными моментами, характеризующими участие Соловья в мифологическом прасюжете былины: он страшно свистит (а также ревет и шипит), сидя на дубах, а затем падает на землю. Трудно счесть это случайным совпадением. Предполагать, что образ Дива в «Слове» создан на основе фигуры Соловья-разбойника, тоже не приходится. Див – самостоятельный персонаж, черты которого, судя по всему, имеют свои достаточно глубокие корни. Остается сделать вывод, что когда-то сам Див – в сочетании со змееборческими мотивами – частично послужил моделью для образа Соловья.

На основании всего сказанного логику формирования образа Соловья можно гипотетически представить себе так. Сказочно-мифологический Змей передал ему свою сюжетную роль чудовища, с которым борется богатырь. Тип свистящего Змея подсказал мысль сделать главным оружием чудовища свист. Пример Дива способствовал закреплению нового «звучного» персонажа в позиции «вверху дерева». Это, в свою очередь, задействовало мифологему, о которой мы еще не говорили.

Индоевропейская мифология более или менее четко различала три яруса мира – верхний, средний и нижний. Организующей вертикалью в этой модели вселенной служил образ мирового дерева, а каждый из ярусов, будучи связан соответственно с вершиной, стволом и корнями дерева, символизировался, кроме того, определенными животными. Символом верхнего мира, понятное дело, были птицы, к среднему миру относились волк, медведь, олень и другие звери, а представителями нижнего мира выступали пресмыкающиеся, земноводные и рыбы. Эту систему образов можно часто встретить в повествовательном фольклоре, хотя связь ее с архаичной моделью мира улавливает уже только глаз специалиста.

Помните, где была упрятана смерть Кощея Бессмертного? Как признался он сам: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке – заяц, в зайце – утка, в утке – яйцо, а в яйце – моя смерть». Чтобы победить Кощея, сказочному герою пригодилась помощь животных, которых он перед тем пощадил. Когда Иван Царевич достал из-под дуба (или из дупла) сундук, из него выскочил заяц; того догнал волк, но из зайца выпорхнула утка; утиное яйцо упало в море; из воды яйцо с Кошеевой смертью достала щука. Вся вереница образов может показаться чересчур пестрой и бессмысленно длинной, если не разглядеть в ней динамически развернутую модель мира – верхний, средний и нижний ярусы с соответствующими животными плюс дерево... Та же мировая «трехчленка», только без дерева, образует стержень былины о князе-оборотне Волхе (Вольге). Когда он родился, взволновалась вся природа: птицы улетели в поднебесье, звери в лесах разбежались, рыбы ушли в глубину. И было им чего бояться. Повзрослевший Волх использовал свое оборотничество для прокорма дружины. Обернувшись соколом, он бил гусей-лебедей; обернувшись волком, охотился на зверя; обернувшись щукою, загонял рыбу в сети. Затем с помощью серии аналогичных превращений Волх одержал победу над Индийским царством.

Стоит подчеркнуть, что в обоих случаях перед нами персонажи со «змеиной наследственностью». Происхождение образа Кощея от образа Змея достаточно очевидно, а про Волха в былинке прямо сказано, что он зачат матерью от Змея. Для Змея же связь с мировым деревом, а также способность приобретать облик другого существа характерны издревле.

В свете приведенных материалов не составляет труда объяснить, почему Соловей-разбойник свистит по-соловьиному, ревет по-звериному, шипит по-змеиному. Как отмечают Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров, три вида звуков, издаваемых Соловьем, «явно соотнесены с... тремя космическими сферами, объединяемыми образом дерева». Здесь надо принять во внимание, что Змей обычно располагался у корней мирового дерева, а на его вершине славянские источники порой упоминают соловья или соловьев. Поскольку Соловей-разбойник статичен и опасен только своим звуковым оружием, он не превращается в животных трех мировых сфер, а лишь воспроизводит их голоса. По этой же причине он оказался теснее, нежели Кощей и тем более Волх, связан с архаичным образом мирового дерева, которое хорошо просматривается за «фундаментальными» дубами Соловья.

Кажется, мы добились принципиальной ясности в вопросе о происхождении фигуры Соловья-разбойника. Грубо говоря, удалось понять, как из Змея могли сделать Соловья. И вот тут-то, в последнем звене логической цепочки, вдруг возникает труднопреодолимое препятствие.

Ранее у нас уже был повод отметить, что образ соловья-птицы никак не вяжется с боевой ситуацией. Теперь есть смысл продолжить эту тему. Соловьиное пение и вообще соловей («соловейка», «соловейчик», «соловушка») традиционно вызывают к себе только положительное отношение. Сравнение с соловьем было лучшей похвалой певцу, поэту, проповеднику. Историк В.Н. Татищев писал о легендарном жреце Богомиле, который «сладкоречия ради наречен Соловей»; такого же «почетного звания» удостоился от создателя «Слова о полку Игореве» великий песнетворец Боян. В народной песенной лирике соловей передает своим пением девушке весточку от милого (но смолкает, когда горюет невеста). В обрядовых песнях соловей, выходящий из гнезда, символизирует строителя дома, устроителя семейного очага... Словом, трудно найти птичий образ, который так мало подходил бы на роль чудовища, злодея, страшного врага земли Русской. В отличие от Соловья Будимировича, былинная роль коего созвучна образам

народной поэтики, фигура Соловья-разбойника находится в разительном противоречии с «репутацией» соловья, установившейся в бытовом и поэтическом сознании. Само имя Соловей-разбойник, если вдуматься, – оксюморон, парадоксальное сочетание несовместимых понятий, что-то вроде «живого трупа» или «горячего льда».¹⁹

Любопытная психологическая деталь: на эту парадоксальность до сих пор обращали внимание – по крайней мере печатно – только нерусские исследователи нашего эпоса. Очевидно, требуется чуточку «отстраненное» и достаточно «взрослое» знакомство с образом, который для нас с вами привычен с детства, чтобы по-настоящему ощутить заложенную в нем противоречивость и удивиться: почему соловей стал разбойником?

Именно так поставил вопрос в 1865 году немецкий ученый К. Марте. Должно быть, рассудил он, соловьиные трели, доносившиеся «в поздний час из глубокого лесного мрака», наводили на русских страх, потому что леса были полны разбойников. Это наивное объяснение спустя несколько лет справедливо высмеял видный хорватский славист В. Ягич. Но и его не оставлял в покое вопрос, «как же русский народ пришел к тому, чтобы приписать безобидному соловью столь ужасно отвратительную роль, какую играет Соловей в эпосе». Увы, гипотеза, предложенная самим Ягичем, – будто бы прототипом Соловья-разбойника, как и Соловья Будимировича, был библейский Соломон, имя которого народ переделал на «птичье», – ненамного убедительнее раскритикованных им домыслов. Проще всех поступил уже упоминавшийся А. Александер. Отметив, что «выбор имени Соловей в данном случае создает эффект оксюморона», американский профессор даже не попытался это как-нибудь объяснить.

Найти объяснение действительно нелегко. И все-таки попробуем. Я думаю, на выбор имени, точнее – образа конкретной птицы решающее влияние оказал выбор свиста в качестве оружия нового персонажа. (Следует заметить: несмотря на «трехголосие» Соловья-разбойника, сказители прекрасно понимали, что главным в этой звуковой гамме является свист; при забывании формулы многозвучия упоминался только он.) Ну а с кем из живых существ мог ассоциироваться такой персонаж в первую очередь? Конечно же, с соловьем, который ничем, кроме своего свиста, и не знаменит. Напомню, что к этой ассоциации подталкивал и образ голосистого – может быть, даже многоголосого – Дива в «птичьей» позиции и еще более образ соловья на вершине мирового дерева. По-видимому, соблазн использовать гармоничную связку понятий «свист/соловей» для создания нового персонажа²⁰ оказался столь велик, что в глазах

---

¹⁹ В.Э.: Вот тут-то в моем экземпляре книги и начинаются основные вписанные карандашом возражения автору (Юрию Морозову)... Дело в том, что «парадоксальное сочетание несовместимых понятий» получается только в том случае, если слова «соловей» и «разбойник» понимать в их СОВРЕМЕННОМ устоявшемся смысле. Но в том-то и дело, что в былинку они попали НЕ в современном смысле. Что означает слово «соловей», какова его этимология, каковы родственные слова? Лично мне с давних пор, с первого знакомства с былинкой (с самой былинкой, а не со статьей Морозова) представлялось очевидным, что слово «соловей» составное и имеет два корня: «соло» и «вей». Второй корень ясен с первого взгляда (хотя бы по таким выражениям как «вей, ветерок!», «навеяно» и т.п.) – это то же самое, что «дуть», тот же корень, что в слове «сухой» (опасный, сухой ветер); это тот же индоевропейский корень, от которого происходит латышское слово «vējš» (ветер). Первый корень («соло») менее очевиден, но тоже распознаваем: это тот же корень, что в словах «солод», «солодель», «солодка» (с приторно сладким привкусом); тот же индоевропейский корень, от которого происходит латышское «salds» (сладкий). Итак, «соловей» – это вовсе не птичка сама по себе, а «тот, кто сладко веет», «сладкодуй». Понятно, почему так нарекли известную птичку, но также понятно, что этим же словом могли (независимо от птички) обозначить всякого, кто «сладко дует» (даже если его «дуновение» опасно для жизни – как у сирен Одиссея). Теперь – что означает слово «разбойник»? Очевидно, что оно происходит от слова «разбой», а то, в свою очередь, от «разбить» (как «бой часов» от «бьют часы» и т.п.). В первоначальном смысле это все не имеет никакого отношения к ограблению – а имеет отношение к разрушению. Но ведь Соловей-разбойник именно разрушает, а не грабит! Оба его имени обозначают именно то, что он и делает, – если брать не современные, а первоначальные значения слов: тогда его имя можно перевести на современный язык как «Сладкодуй разрушающий». А именно в этом и заключается его былинная сущность. И никакого «парадоксального сочетания несовместимых понятий» тут нет. И никакой связи с птицей.

²⁰ В.Э.: Вообще былина о Соловье-разбойнике абсолютно не напоминает произведение, созданное по правилам (устной) поэтики или беллетристики. А именно: в ней есть такие детали, которые совершенно не связаны с сюжетом, и могли появиться только от реальных событий и обстоятельств. Таковы детали в стихе «У того креста у Левонидова» (что за «крест» такой: кто мог бы его придумать, если это не реальный и не известный в то время народу перекресток дорог или памятник?); это «Одихмантьев сын» (если это не реальное имя, то по каким правилам оно придумано?); «Ко славные березы, ко поклятые»

неизвестных нам творцов мифологического эпоса он перевесил риск войти в противоречие с миролюбивым характером соловья. И творческая дерзость в данном случае оправдала себя сполна. Благодаря ей появилась не очередная вариация змея – возник образ свежий, яркий, восхищающий мастерством его «выделки». Заложенная в нем идея лишней раз доказала свою плодотворность, когда спустя какое-то время мифологический Соловей пережил свое второе рождение, став историко-эпическим Соловьем-разбойником, который жил в народной памяти много столетий.

Так оно было или не так, остается бесспорным, что именно грозный свист Соловья-разбойника определяет специфику этого персонажа. В конечном счете ключ к пониманию образа следует искать здесь.

Секретное оружие

Удивительно, но факт: главная тайна Соловья-разбойника ученых практически не беспокоила. Если из всего написанного об этом персонаже можно составить приличный сборник, то все, что написано за полтора века о свисте Соловья, уместилось бы, пожалуй, на одной странице. Причем в большинстве своем это замечания, сделанные вскользь, мимоходом, но весьма уверенные по тону. Наличия здесь серьезной проблемы не ощутил (или, по крайней мере, не обозначил) никто. По существу, *исследовать* ее приходится впервые.

Картина свиста Соловья-разбойника дается в былине трижды. Сначала о страшных последствиях свиста предупреждают Илью черниговцы, затем Соловей демонстрирует свою мощь, пытаясь остановить богатыря в Брынском лесу, и, наконец, очевидцами действия свиста и его жертвами становятся киевляне. Соответственно мы имеем возможность оценить, как соловьиное оружие влияло на природу, строения, людей, а также на коня Ильи Муромца.

Насколько можно сегодня судить об истории текста былины (обоснование этой реконструкции, интересное только фольклористам, я вынужден буду всякий раз опускать), действие свиста Соловья на природу первоначально описывалось так: земля задрожала, вода взволновалась, леса к земле приклонились. По-видимому, довольно рано эта картина стала дополняться в вариантах былины близкими по смыслу эффектами: от свиста с кряжей посыпался песок, вода в реке помутилась, леса зашатались, с деревьев посыпалась листва и т.п.

Надо сразу же сказать, что все эти мотивы глубоко традиционны. В народной лирике соответствующие явления символизируют горе, печаль, выступают как «эмоциональная» реакция природы на убийство, войну. С тем же значением использованы они и в «Слове о полку Игореве»: когда на войско Игоря движутся половцы, «земля тутнет (гудит)» и «реки мутно текуть», после же поражения русских «древо с тугою (печалью) к земли преклонилось» и «лиственные срони». Земля дрожит, а вода волнуется при появлении сказочного Змея, при рождении Волха. С деревьев летят листья, как мы помним, от свиста Змея или черта в шуточной форме сказки «Кто сильнее свистнет». Короче говоря, ясно, что природные эффекты для живописания разбойничьего свиста были взяты из фонда уже существующих мотивов, причем многое Соловей получил по наследству от сказочно-мифологического Змея.

Хорошо, но как понимали создатели образа Соловья-разбойника и исполнители былины о нем сам «механизм» действия его свиста, почему они отбирали именно эти мотивы? Вот вопрос, который теперь выходит для нас на первый план. По большинству мотивов – волнению вод, сгибанию деревьев, шатанию леса, облетанию листвы – видно, что действие свиста Соловья-разбойника уподоблялось действию сильного ветра. Основанием для этого служило простейшее наблюдение, что свист человека вызывается стружкой выдыхаемого воздуха, а ветер, в свою очередь, шумит, как живое существо, – ведь и сегодня мы говорим о свисте ветра, вое бури, реве урагана... Дополнительным, но очень важным фактором была давняя связь понятий ветра и птицы (их древнейшие индоевропейские названия происходят от одного корня со значением «дуть»), что проявлялось в мифологических образах птицы, взмахами своих крыльев рождающей бурю, или крылатого бога ветра.

Все это подметили уже первые отечественные мифологи, интерпретировавшие в соответствующем духе сам былинный образ. К примеру, А.А. Шифнер считал противника Ильи Муромца «буревым великаном», А.Н. Афанасьев тоже был убежден, что «в образе Соловья-

---

(зачем в короткой вымышленной песне упоминать какие-то «поклопяые березы», которые не могут произвести никакого впечатления на слушателя, если только и рассказчик и его первые слушатели не знают сами, о какой именно березовой роще идет речь?).

разбойника народная фантазия олицетворила демона бурной, грозовой тучи», а Н.И. Кареев задавался вопросом: не следует ли искать «мифическую подкладку» фигуры Соловья в древнерусском Стрибоге, который, как полагают (основываясь на выражении из все того же «Слова»: «ветри, Стрибожи внуци»), мог быть покровителем воздушной стихии?

Думается, однако, что мы не вправе так сильно сблизать Соловья-разбойника с существами, олицетворявшими природные силы. Дабы стало понятнее, почему, приведу для контраста фрагмент из удмуртского мифологического рассказа о состязании бога лесов и ветров Нюлэс-мурта с водяным Ву-муртом: «Нюлэс-мурт свистнул, и поднялся сильный ветер, и ветром разметало крыши всех строений». Хотя свист Соловья, как мы увидим, приводит к тому же, ни в одном варианте былины не говорится о ветре, им вызываемом. Не упоминаются в связи с Соловьем-разбойником и тучи, дождь, гроза, которые так или иначе сопряжены с деятельностью змееподобных персонажей в фольклоре многих народов (русский эпос сохранил это представление в остаточной форме: то не гром гремит и не дождь дождит – то Змей летит). От своих мифологических предшественников Соловей унаследовал масштаб деяний, но стихии ему неподвластны.

Из «лесной» сцены свиста можно извлечь еще кое-какую информацию, однако есть смысл перейти сразу к следующей сцене – «городской». Если верно наше предположение о легшем в основу былины мифологическом сюжете, который заканчивался убийством злодея в лесном логове, то природные эффекты свиста Соловья-разбойника, вероятно, были заданы уже этим сюжетом (и восходили, в свою очередь, к еще более древним мифологическим представлениям, не всегда, может быть, уже и понятным). Обрисовка же действия свиста в условиях средневекового города выпала на долю создателей былины. И в том, как они это сделали, должно рельефнее всего проявиться их собственное понимание оружия Соловья.

Влияние свиста на строения и предметы описано в вариантах былины следующим образом: дома зашатались, окна вылетели, крыши слетели, кресты с церковью (или маковки с теремов) повалились, столы затряслись и напитки на них разлились. Только про первые два мотива можно с относительной уверенностью сказать, что они присутствовали в былине изначально; остальные появились позднее, однако тоже довольно давно, поскольку успели распространиться по разным локальным традициям. Какой же смысл заложен во всех этих мотивах?

Некоторые из них явно работают на идею, что свист Соловья причинял вред мощной струей воздуха. Живую аналогию описания былины мы находим в летописных сообщениях о бурях: «с церковью и хором срывало крыши», «верхи и кресты посломало со всей церкви» и т.п. Про такую малость, как выбитые бурей окна, обычно и не упоминалось...

Но гораздо яснее читается в былине другая мысль: свист вызывал сильное сотрясение. Это выражено еще раньше, в «лесной» сцене, мотивом дрожащей земли – не случайно иные певцы начинали с него и рассказ о свисте Соловья в Киеве. А когда трясется земля, трясутся и дома, и мебель в них, и стекла разлетаются вдребезги. Между прочим, и кресты могут валиться не только от сильного ветра. Они, например, падали с церковью во время землетрясения, случившегося в Киеве в 1101 году. То же изображено на летописной миниатюре, иллюстрирующей рассказ о киевском землетрясении 1230 года: покосившиеся церкви с обломанными куполами без крестов, а один крест летит вниз. Коли на то пошло, и волнение вод – вспомним еще один «природный» мотив – может иметь своей причиной не ветер, а землетрясение (такие факты наблюдались даже на удаленной от зон сейсмической активности Волге).

В том, что к подобному пониманию действия оружия Соловья-разбойника склонялись и сами носители фольклора, больше всего убеждают мотивы, имевшие единичное употребление. Отдельные варианты былины говорят, что свист Соловья в Киеве «полетело из дымолок²¹ кирпичье заморское», «все муравлены печки прирассыпались», «разломало все связи железные», «в церквах иконы повалилися». Добавим сюда же фразу из белорусской сказки про Соловья: «потолок от свиста разломился». Приплюсуем и мотив, содержащийся в ряде списков рукописной повести и восходящий к какому-то устному тексту, былинному или сказочному: «у государей и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась». Всё это – поздние индивидуальные привнесения, но именно в такой «отсебятине» наилучшим образом проявляется осмысление исполнителями традиционного текста, и здесь нельзя не отметить, что все дополнительные мотивы, характеризующие последствия свиста

²¹ Дымолок (дымволок) – дымоход, соединяющий печь с наружной трубой. (Прим. автора).

внутри помещения, выразили одну и ту же идею: свист Соловья-разбойника сотрясает, разламывает твердые предметы.

Доминирование этой идеи кажется неожиданным после того впечатления о «свисте ветра», которое мы вынесли из анализа «лесной» сцены, но по здравом размышлении приходишь к выводу, что, может быть, все как раз закономерно. Образ сотрясающихся построек не только не противоречит образу бури – в реальных жизненных наблюдениях они бывали крепко связаны между собой. «...Любым ветром и вихорем многие церкви Божия, шатры и кресты и главы поломало и в поле разносило, и всякое здание и стены церковные тряслися», – сообщает Вологодская летопись о буре, пронесшейся 21 марта 1680 года. Отметим сочетание в этом известии сразу трех «былинных» эффектов – тряски зданий, срывания крестов и верхушек строений. Примерно то же рассказано о буре 25 октября 1495 года в Москве: «хоромы трясло, а с иных верхи срывало, и кровли драло...» При сильных порывах ветра ощутимо даже колебание почвы. Оно, правда, бывает и от сильных раскатов грома. Эта деталь тоже часто подчеркивается в летописных известиях: «потрясая земля» во время бури с грозой в Новгороде 9 апреля 1419 года, «от гремени страшаго» дрожала земля 1 сентября 1477 года в Москве и т.д.

Давайте поставим себя на место создателей былины о Соловье-разбойнике и тех, кто исполнял ее затем, добавляя в повествование новые краски. Судя по многим данным, наш героический эпос создавался главным образом в городской среде (исследовательница былин Р.С. Липец имела полное право назвать их самым урбанистичным жанром русского фольклора), дальнейшая же судьба его связана преимущественно с крестьянством – последние столетия основным очагом сохранения былинного эпоса оставался русский Север. Так вот, вообразим себе: дом средневекового горожанина или деревенская изба содрогается то ли от ветра, то ли от грозы, снаружи грохот, треск и завывание... Подобное приходилось пережить каждому сказителю. И это образно-эмоциональное восприятие бури человеком, находящимся внутри помещения, пожалуй, как раз и позволяло представить свист «бурного» Соловья в княжеских палатах прежде всего как свист сотрясающий.

Не будем, однако, совсем уж сбрасывать со счетов землетрясения. О них русские люди знали не понаслышке. Только за XII век, который мы определили как наиболее вероятное время сложения былины о Соловье-разбойнике, летописями отмечено не менее десятка землетрясений на Руси. Случались они и позже, причем отзвуки подземных бурь порой достигали «былинного» Севера. Приписывать таким фактам значительную роль в создании «городской» картины свиста разбойника было бы рискованно (все же явление это достаточно экзотично для наших мест), но служить стимулом к усилению эффектов тряски при свисте Соловья воспоминания о землетрясениях вполне могли.

* * *

Здесь необходимо отступление. У фольклористов как-то не очень принято – особенно если дело касается героического эпоса – с такой вот дотошностью копаться в натуральной подоплеке фантастических образов. Я и сам в процессе размышлений над проблемой свиста Соловья-разбойника старался удерживать себя от чересчур «физикалистского» подхода, памятуя, что мир былины «приподнят» над обыденной жизнью и полон условностей, что элементы реальности преломляются в нем сквозь «магический кристалл» художественного вымысла, гиперболизации и т.п. Всё так, всё верно. И однако же при более пристальном взгляде на изображение последствий свиста Соловья оказывается, что оно соткано из абсолютно реалистичных мотивов! Начиная исследование, я и не подозревал, что для всех без исключения подробностей действия свиста, приводимых вариантами былины, найдутся соответствия в рассказах о действительно происходивших событиях.

Разумеется, называемые мной конкретные факты в большинстве своем заведомо не могли отразиться в былине – мы устанавливаем каждый раз лишь *тип* реалий, влиявших на сознание сказителей. Речь вообще не идет об «отражении реальности» в том упрощенном смысле, что картина свиста Соловья-разбойника сложилась на основе какого-то определенного события, которое было приукрашено и т.п.²² Как образное целое эта картина «сконструирована» умом и фантазией многих поколений сказителей, чему достаточной порукой является хотя бы наличие глубинных мифологических прообразов. Но сам замысел не мог не отталкиваться от жизненных наблюдений, из них же черпались детали для его текстового воплощения, а последующие

²² В.Э.: А я думаю, что было именно так.

исполнители – соответственно тому, как они уловили этот замысел в традиционном тексте былины, – использовали для его передачи, «разъяснения», развития крупницы собственного знания реальности. В результате многие моменты описания свиста Соловья поражают своей натуралистичной точностью.

Взять, к примеру, мотив выпадения окон. Первоначальная его формулировка, видимо, была такой: «оконницы (окольные) посыпались». Вообще-то слово «оконница», или «окольная», означает оконную раму. Зачастую, правда, тем же словом называли и оконное стекло. Здравый смысл тоже вроде бы подсказывает, что в данной ситуации подразумевались стекла, то ли выбиваемые напором воздуха, то ли лопающиеся от сотрясения всего дома.²³ Многие певцы былины понимали этот мотив именно так, о чем свидетельствует ряд его последующих модификаций («окольные хрустальные порассыпались», «все хрустальные стеклышки посыпались», «окольные стекла все повыпали» и т.д.). Но и первое значение слова давало о себе знать. Некоторые исполнители, пытаясь его сохранить, подчеркивали, что выпали не сами оконницы («полетели из окольных стекла аглицкие»), другие, наоборот, подбирали глаголы, более отвечающие тому ущербу, который мог быть причинен именно рамам («окольные поломались»). А в одном прозаическом варианте сказано прямо: «из окон рамы повыпрыдали». Не это ли исконный смысл былинного мотива?

Подозрение окрепло, когда в сводке экстремальных природных явлений, составленной Е.П. Борисенковым и В.М. Пасецким, я наткнулся на следующие сообщения: «...Удары грома были столь сильны, что земля трепетала, в домах из окон выпадали рамы и из божниц – иконы» (Гроза 22 мая 1762 года над Саратовом.) «В одних домах ветром вырваны оконные рамы и разбиты все стекла; в других снесены дымовые печные трубы...» (Ураган, пронесшийся 25 мая 1860 года над Чебоксарами.) Опираясь на аналогичные случаи, создатели былины вполне могли подразумевать, что от сотрясающего свиста Соловья-разбойника вылетели именно рамы.

Между прочим, информация, подтверждающая реалистичность фольклорных описаний свиста, в приведенных выше цитатах еще не исчерпана. Продолжим сопоставления. Ветром сносило трубы? То же утверждает и один из прозаических вариантов про действие соловьиного оружия: «с домов трубы попадали». Единичный мотив падения (от свиста) икон я уже упоминал, но теперь важно добавить, что в том былинном варианте, как и в описании грозы, он соседствует с сообщением об оконницах. Все явно взято «из жизни». Точно так же не отнести на счет одной лишь творческой фантазии («что было бы, если...») мотив, выросший из мотива сотрясения зданий и ставший со временем довольно популярным: «стары терема повалилися, новы терема пошаталися». В нем тоже воплощен горький опыт стихийных бедствий, причем не обязательно землетрясений – бури, сотрясавшие и прочные здания, порой до основания сносили ветхие дома.

А параллель к мотиву «разломало все связи железные» мне попала в совсем уж неожиданном месте – среди рассказов очевидцев... тунгусского взрыва 1908 года. Сравните: «Потом (после взрыва, – Ю.М.) оказалось, что многие стекла в окнах были выбиты, а у амбара переломило железную накладку для замка у двери». Никакого отношения к загадке XX века Соловей-разбойник, понятно, не имеет. Просто гибель Тунгусского метеорита породила мощную воздушную волну и сильное сотрясение почвы (по сути, та же модель «буря + землетрясение»), а поскольку ни об одном другом взрыве свидетельские показания, наверное, не собирались с такой тщательностью, в описаниях катастрофы на Подкаменной Тунгуске можно обнаружить аналоги очень многих мотивов, связанных со свистом Соловья. Очевидцы рассказывали о водяном вале, прошедшем по Ангаре, и пригнувшемся от урагана лесе, о сотрясении изб и падении в домах предметов, о разломанных рамах и треснувших печах, о покотившейся по столам посуде... Есть свидетельства и об эффектах, которые мы – применительно к былинке – еще не рассматривали.

Даже в записанных полвека спустя воспоминаниях очевидцев полета и взрыва тунгусского тела повторяется интересная деталь: «При полете гром был, потом бахало, кони упали на колени». «...Были три взрыва: первый – сильный, два – как далекий гром. Кони упали на колени». Так же отреагировал, не забудем, и конь Ильи Муромца на свист Соловья-разбойника. Реалистичность фольклорного мотива в свете этих аналогий бесспорна. Но понять его, равно как и причину соответствующего поведения лошадей в действительности, оказывается, не так-то просто.

---

²³ К XII веку оконное стекло уже использовалось в городском строительстве на Руси. (Прим. автора).

Начнем с вопроса, который по инерции всего предыдущего анализа напрашивается раньше других. Отчего конкретно падали кони тогда, летом 1908 года, – от напора воздуха или только от содрогания почвы? Обстоятельства дела как будто заставляют склониться ко второму объяснению, хотя для отдельных случаев не исключено и первое. Однако по мере знакомства со схожими фактами, проходящими по ведомству метеоритики, начинаешь думать, что главное тут вообще не в каких-то механических воздействиях.

В этом плане дорогого стоит маленькое подстрочное примечание к одной статье, посвященной звукам при полете метеоритов в атмосфере. Вот оно: «В архивах СССР имеется немало сообщений о реакции домашних животных и птиц на полет болида и на последующие за ним обычные звуковые детонации; например, собаки поднимают лай, гуси начинают гоготать и взлетать, лошади падают на колени, волы останавливаются как вкопанные и т.п.». Никакой сбивающей с ног воздушной волны в таких ситуациях обычно нет. Эффекты сотрясения случаются; но заметьте, что другие животные, судя по цитате, при этом не падают, так что дело, видимо, не в колебании почвы самом по себе. У всех перечисленных реакций, включая лошадиную, есть лишь один общий знаменатель – *испуг*, специфически выражаемый каждым видом животных. Испуг, надо думать, в первую очередь от неожиданного, бьющего по нервам звука.

Это соображение позволяет нам уйти в разговоре от «астрономического» аспекта. Маловероятно, чтобы создатели сюжета о Соловье наблюдали падение лошадей на колени при пролете болида – очень уж редкое это явление, да и никаких следов его влияния на образ Соловья-разбойника нет. Жизненным материалом для эпизода с конем Ильи стали какие-то иные, более будничные ситуации. Какие – определить не берусь, но, может быть, это и не столь существенно. Во всяком случае, директор Музея коневодства Д.Я. Гуревич, к которому я обратился за консультацией по данному вопросу, выразил убежденность, что дело здесь не во внешних воздействиях на животное, а в его элементарном спотыкании. Испуг только провоцирует это. В принципе любой неожиданный раздражитель, будь то громкий свист, пролет болида, сильный раскат грома или что-то еще, может заставить лошадь сделать резкое движение, споткнуться о неровности почвы – и упасть на передние колени. Вернее, на запястные суставы, как любят поправлять профанов специалисты: коленей в строгом смысле передней ноги лошади не имеют.

Приведенная точка зрения, по-видимому, не расходится с мнением народных хранителей сюжета о Соловье-разбойнике, большинству из которых были отлично знакомы повадки лошадей. Посмотрим на варьирование эпизода в различных записях произведения. Часть былинных вариантов говорит, что от свиста конь Ильи споткнулся. Этот мотив для фольклора традиционен (конь спотыкается, предчувствуя беду), но в данной былине он «пришлый», вторичный, и замена им мотива падения коня на колени подчеркивает смысловую близость обоих явлений для сказительской среды. Иной раз исполнители прямо указывали на причинную связь между ними: согласно некоторым (правда, очень редким) записям, конь Ильи сперва споткнулся, а затем упал на колени, или просто «споткнулся на колени со свиста», или даже «споткнулся на карачки о всех четырех ног», как сказано в одной рукописной повести XVIII века явно под влиянием какого-то устного источника. Но важно в вариантных добавлениях и другое – мысль об испуге коня. Именно этим сказители пытались объяснить и падение его на колени, и спотыкание. Порой же они вовсе уходили от традиционной версии и взамен сообщали, что богатырский конь от свиста «вздрогнул», «остановился, как вкопанный», «скакал на ноги задние», – всякий раз, как мы видим, выбирались типичные для лошадей реакции испуга.

Однако самым важным является то, что такую же мотивировку поведения коня, судя по всему, подразумевали и создатели былины. Мы еще не заслушали мнение главного свидетеля. Когда под Ильей конь пал на колени, он получил от хозяина гневную отповедь:

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Не слышал ты посвисту соловьиного,
Не слышал ты покрику звериного?..

То есть, конь испугался звука, а не был сбит с ног налетевшим ураганом (хотя леса в тот момент пригнулись) и не потерял устойчивость из-за предательского дрожания «матери-сырой земли». Именно так следует понимать слова Ильи Муромца, а уж его-то оценке происшедшего мы можем довериться...

Рассмотрение эпизода с конем не то чтобы поколебало нашу рабочую гипотезу о механизме действия свиста, но заставило принять во внимание и принципиально новый аспект – психологический. Тем интереснее обратиться теперь к влиянию соловьиного оружия на человека.

Наиболее информативна в этом отношении сцена, когда Соловей свистит в Киеве, в княжеских палатах. Поначалу реакция людей на свист изображалась былиной так: все присутствовавшие попадали, еле удержались на ногах только князь Владимир со княгиней, да и то благодаря помощи Ильи, с самим же богатырем ничего не случилось. Время нарушило стройность этой схемы. К двум основным мотивам, характеризующим реакцию киевлян («еле устояли» – «упали»), добавилось множество новых. По вариантам былины, люди в Киеве – а порой и сам Владимир – от соловьиного свиста шатаются, падают на колени (явно по примеру коня Ильи), ползают на четвереньках, катаются по земле и т.п. Тем не менее все эти поздние мотивы лишь подчеркивают, проявляют разными гранями изначально содержащуюся в былине мысль: человеку при свисте Соловья-разбойника трудно устоять на ногах.

Очень естественно увидеть здесь новое подтверждение того, что разбойник «все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря» (характеристика А.Н. Афанасьева). С другой стороны, можно было бы привести немало рассказов, как люди падали, шатались или опускались на четвереньки во время землетрясений. Разумеется, отмечены такие факты и свидетелями Тунгусской катастрофы, причем случалось это с людьми и на открытом пространстве, и внутри помещений – к примеру, в одном доме человека после взрыва «качнуло, словно от сильного ветра», а сидевших в другой избе (очевидно, за утренней трапезой) «сбросило с лавок на пол». Короче, по внешним признакам человеческая реакция на свист Соловья полностью соответствует нашей исходной гипотезе о характере его действия: «сотрясающая буря».

Но сразу же приходится сделать одну весьма существенную оговорку. Даже если эта интерпретация верна, относить ее можно только к периоду зарождения былины и к самым ранним этапам ее бытования. Потому что на последнем этапе, когда с былиной познакомились собиратели фольклора – а мы вправе, учитывая известную инерционность народно-поэтического мышления, экстраполировать наблюдавшуюся ситуацию еще на два–три столетия назад, – в сознании сказителей доминировали совсем другие взгляды.

Основанием для такого вывода служит все тот же бесценный показатель – микроизменения, вносившиеся исполнителями в традиционный текст. Бывали случаи, когда индивидуальное привнесение подхватывалось другими исполнителями, становясь, в свою очередь, традиционным. Это само по себе свидетельствует о принципиальном соответствии его коллективному сказительскому пониманию данного места былины. Но не менее, если не более, значимы для нас факты *независимого* появления в разных вариантах близких по смыслу нововведений. Когда же в нашем распоряжении почти две сотни вариантов (считая прозаические пересказы), появляется возможность сделать статистические замеры: какого характера детали вносились исполнителями чаще, какие – реже, а какие не появлялись совсем, хотя, казалось бы, их следовало ожидать. «Умолчания» на фоне большого количества вариантов тоже красноречивы.

Так вот. Во всем массиве опубликованных записей сюжета о Соловье практически нет деталей, которые подтверждали бы, что исполнители связывали падение людей от свиста разбойника с «напором стремительного вихря» или трясением земли. Наоборот, многие вариантные разработки эпизода показывают, что падение объясняли не механическими, а физиологическими причинами, если позволить себе в разговоре о содержании былины естественнонаучную терминологию.

Вообще по части понимания и изображения человеческих последствий свиста в былине чувствуется некая проблемная напряженность, своеобразная «драма идей», растянувшаяся на века, – и перипетии ее, по счастью, тоже оставили свои достаточно ясные следы в имеющихся записях произведения.

Один из главных источников этой напряженности был заложен в былине с самого начала. Попросту говоря, ее создатели не позволили проявиться в полной мере злодейским способностям Соловья. Практически нереализованной осталась... смертельная сила его свиста. О том, что своим свистом разбойник убивает людей, мы, как и Илья Муромец, узнаем из сообщения черниговцев. Но ведь это, выражаясь научным языком, только экспозиция, обрисовка положения дела до того момента, как стало разворачиваться действие былины. В самом же этом действии, так сказать, на наших глазах, Соловей уже никого не убивает. Два раза ему по сюжету предоставилась такая

возможность – и оба раза у создателей былины нашлись веские художественные причины не допустить смертельного исхода.

Илья Муромец, столкнувшись с Соловьем в лесу, да и позднее, в Киеве, не мог погибнуть от его свиста просто по законам эпоса: богатырь есть богатырь, ему суждено одолеть чудовище. Далее, по замыслу былины, Соловей должен был продемонстрировать мощь своего оружия на киевской «массовке». Придумывая эту сцену, авторы произведения решали внутренне противоречивую задачу. С одной стороны, желательно было показать действие свиста на киевлян как можно более сильным, оправдывающим грозную репутацию разбойника. С другой стороны, и здесь логика сюжета исключала гибель присутствующих.²⁴ Теперь разбойник был в полном подчинении у Ильи и свистел по его приказу, а богатырь никак не мог допустить появления новых жертв Соловьева разбоя – даже если они пришлось бы на долю такой малосимпатичной публики, как княжеско-боярская верхушка. Тем более не мог он допустить реальной угрозы для жизни князя Владимира, на службу к которому приехал.

Как вышли из положения создатели былины, мы уже знаем. Киевские князья-бояре от свиста только падают. Каким бы ни было происхождение этого мотива, сюда он введен как очевидная замена смерти. Чтобы предотвратить гибель собравшихся, Илья Муромец приказал Соловью свистеть вполсилы, а Владимира и его жену поставил себе под мышки (богатырь, ясное дело, выше обычных людей), оттого-де княжеская чета и избежала участи остальных.

Все вроде бы придумано гладко, мотивированно... Однако внутренняя противоречивость ситуации была именно сглажена, но не снята, и это еще заявило о себе в процессе дальнейшей жизни произведения. По вариантам отчетливо видно, что для многих исполнителей было недостаточно *сказать* (устаи черниговцев) о смертоносной силе соловьиного свиста – они испытывали соблазн *показать* ее в сюжетном действии. А где, как не в кульминационной киевской сцене, заманчивее всего это сделать? Но и нарушать трактовку этой сцены, узаконенную традицией, вроде бы негоже. Дилемма... Сколько разнообразных попыток разрешить ее мы наблюдаем в записях сюжета о Соловье-разбойнике!

Некоторые певцы, не мудрствуя лукаво, отбросили все сомнения и позволили Соловью напоследок проявить максимум своих способностей – от его свиста «все люди во Киеве мертвы стали», «князья-бояре все мертвы лежат» и т.п. Однако большинство исполнителей все же придерживалось изначальной версии «все люди упали», а попытки драматизировать сцену свиста Соловья в Киеве выливались в поиск каких-то компромиссных решений. Иногда, например, мотив смерти вносился в киевскую сцену лишь в «сослагательном наклонении»: Соловей хотел убить людей, но они уцелели. Другие исполнители допускали и реальную гибель, но только части присутствующих (остальные выжили). Наиболее же распространенной оказалась тенденция приписывать пострадавшим от свиста Соловья тяжелейшее физическое состояние, близкое к смерти, внешне ее напоминающее.

«Все вроде замертво упали», «словно как мертвы лежат», «ни живы ни мертвы», «чуть живы», «полумертвы» – эти формулировки, появившиеся в территориально удельных друг от друга вариантах, красноречиво выражают названную тенденцию. Сказители также характеризовали состояние людей после соловьиного свиста как обморок, беспамятство, потерю сознания. «Все пали бояре кособрюхие на пол», – воспроизвел один певец традиционную фразу былины и от себя пояснил: «Без ума, значит». Порой отмечалось, что киевляне лежали «без ума», «без памяти» три часа, а потом очнулись. По ходу всех этих поисков формулы «квазисмерти» совершалась малозаметная, но очень важная перестановка смыслового акцента. Если поначалу ссылка на физическое состояние людей вводилась ради того, чтобы объяснить их падение (упали, потому что потеряли сознание), то со временем это состояние закономерно стало восприниматься как главный результат свиста, а падение – лишь как внешнее, самоочевидное его проявление (потеряли сознание и, естественно, упали). Согласитесь, утверждение ряда былинных вариантов, что у князя Владимира от свиста «подломились ножки резные», можно без особого ущерба для смысла передать и так: «ему стало плохо». В подобных условиях мотив «полусмерти» уже не всегда связывался только с падением («Владимир-князь едва жив стоит»), а порою и вовсе

---

²⁴ В.Э.: К этим словам в моей книге сделана такая карандашная запись 1998 года: «В моем «официальном» тексте былины, изданном в 1971 году для школ (записана в 1871 г. от знаменитого сказителя Рябинина на Онежском озере) Илья в Киеве приказывает Соловью свистеть в полсилы, но тот свистит так, что все окружающие ГИБНУТ, кроме князя, который укрылся шубой. После этого Илья вывел Соловья в поле и казнил».

заметно безразличие к тому, в какой позе человек находится («князь Владимир полумертвым был», «княгиня полумертвая»). Интерес к внутреннему состоянию людей явно брал верх.

* * *

Итак, изображение человеческих реакций на свист Соловья-разбойника в огромной, даже решающей степени предопределялось мыслью о его смертельности. Но почему свист убивает? Вопрос из самых трудных. В имеющихся записях сюжета о Соловье нет деталей, по которым было бы можно догадаться, каким путем мифотворцы пришли к идее убийственного звука и как вообще понимали такое его действие на людей. Однако подсказку ответа, не исключено, несут в себе разработки позднейших исполнителей. Ведь многие сказители объясняли смерть и падение киевлян от свиста Соловья очень просто – все тем же испугом.

Для подобной интерпретации имелась прочная жизненная основа. Каждому приходилось на собственном опыте убеждаться в том, что у страха не только глаза велики, но – по другой поговорке – и ноги хрупки. Известно также, что при крайней степени душевного потрясения может наступить смерть. Певцы охотно использовали немудреный житейский опыт такого рода, описывая последствия соловьиного свиста. И дело не ограничивалось фразами типа: «испугались они, все с ног попадали» и «все богатыри припугались... и мертвы лежат». Из чисто служебного мотива, призванного сделать понятнее падение или смерть людей, мотив испуга тоже вырос в самостоятельный, подсказывавший, в свою очередь, новые подробности происходившего в Киеве: от страха князя-бояре «на карачках по двору напоззались», разбежались, сошли с ума.

Интерпретация многими сказителями губительного действия свиста выявилась, таким образом, достаточно четко. Совпадает ли она с тем, как мыслили себе это создатели фигуры Соловья? В отношении мотива смерти можно сказать: по-видимому, да, ибо другой, более удовлетворительной интерпретации пока не видно. Во всяком случае, смерть от урагана или землетрясения здесь не подразумевалась, это абсолютно ясно из былины. Непохоже, чтобы свисту Соловья приписывали и какое-то магическое, волшебное влияние на людей, объяснимое только по законам мифологической фантастики. При всей своей красочной необычности, звуковое оружие Соловья-разбойника не производит впечатления чего-то сверхъестественного, чудесного – наоборот, все его свойства «взывают» к сопоставлениям с реальностью, что, кстати, великолепно чувствовали сказители, постоянно насыщавшие картину свиста деталями, почерпнутыми из жизни. Так что, за неимением разумной альтернативы, примем в качестве вероятного объяснения мотива смерти: людей убивал не свист сам по себе, а наводимый им страх.

Что же касается мотива падения людей, то альтернативная интерпретация тут, как мы знаем, имеется, и весьма резонная. «Бурная» природа Соловья наверняка еще осознавалась в пору создания былины о нем, а сказки изредка упоминают о падении человека (или возможности падения: «насилу устоял») от свиста или дуновения Змея – следовательно, и этот эффект оружия Соловья мог быть «наследственным». С другой стороны, падение людей в былине предваряется падением коня Ильи, а в этом мотиве четко видна реакция испуга, да и попытки объяснить падение киевлян их испугом, которые мы наблюдаем в поздних записях, «по духу» кажутся довольно органичными, не противоречащими логике сюжета. Короче, обе трактовки по-своему обоснованны, и вернее всего предположить, что справедливы и та и другая, но – для своего времени и своего контекста. А именно: способность чудовища валить людей наземь своим свистом была позаимствована у мифологических предтеч Соловья, но в былинном сюжете ее интерпретировали по-новому; причем на первых порах старое понимание мотива (свист «сдувал» людей) еще могло быть памятным и отчасти даже конкурировать с новым, собственно былинным (свист пугал), пока последнее не победило в сознании сказителей окончательно.

Как видите, выводы приходится формулировать с изрядной осторожностью. Она продиктована не только отсутствием прямых доказательств правильности наших предположений, но и тем еще, что мнение поздних исполнителей, пусть даже распространенное и кажущееся нам верным, зачастую отличалось от замысла творцов произведения. Сейчас самое время рассмотреть один такой факт, который, кстати, высвечивает и очень важную особенность соловьиного оружия.

Давайте снова представим себе, что мы придумываем существо, которое обладает необычайно сильным свистом. Какое качество звука было бы естественно преувеличить прежде всего? Конечно же, громкость! А в описании его действия на людей мы, соответственно, подчеркнули бы, что он *оглушает*. Так же мыслили и многие исполнители. В записях сюжета о

Соловье-разбойнике встречаются указания и на громкость свиста, и на его оглушающий эффект. Последним даже пытались объяснить то, что произошло с людьми в Киеве: «тут бояре оглушились, падают они на кирпичат пол», «лежали по часу они, ничего не слышали» и т.п. Соответствующее развитие в вариантах былины получили защитные меры от свиста. Порой Илья Муромец накрывает князя и княгиню шубой, зажимает им уши («чтоб у них перепонки не полопались», сказано в одном тексте), а то и затыкает «листочками маковыми» уши себе и своему коню перед встречей с Соловьем в лесу.

Однако текстологически очень легко показать, что все это появилось сравнительно поздно. Свист Соловья-разбойника в его древнейшей, исконной обрисовке людей не глушил. Фантазия сочинителей образа почему-то не пошла по пути, который напрашивался – и по которому так охотно устремлялась затем мысль исполнителей былины.

Странно? Пожалуй. Хотя, если первичной моделью для описания свиста Соловья послужил образ бури, особой загадки тут, может стать, и нет. Ведь буря, ветер страшны не громкостью производимого шума, а совсем другим – разрушительной силой, способностью сбить человека с ног... Стоп. Едва наметив решение одной загадки, мы сразу же упираемся в другую. Вид пригнувшихся к земле деревьев, трясущихся зданий и вылетающих окон мог, конечно, навести на человека страх – но никогда, ни в одном варианте не говорится, что люди падали и умирали от этого ужасного зрелища. Человеческие реакции стоят в *одном* ряду с природными и прочими эффектами свиста, а не в причинной зависимости от них. На людей, как и на лес, и на дома, свист Соловья действовал «напрямую».

Так чем же он пугал людей – до обморока, до смерти? Некой абстрактной «силой»? Пусть так; но странно, почему создатели образа не придумали какого-то непосредственно воспринимаемого человеком проявления этой силы, не попытались, например, гиперболизировать громкость свиста... короче, смотри предыдущие абзацы. Какой-то заколдованный круг получается. Или жертвы Соловья-разбойника падали и умирали не от страха?

Увы, мы так и не получили четкого и целостного представления о характере действия свиста Соловья-разбойника. Нужно только добавить: не имели его и сказители XVIII–XX веков, на чьи тексты мы опирались. Все-таки дистанция в полтысячететия – не пустяк. Ушли в прошлое мифологические взгляды, обусловившие фантастику былины, забылись факты, в соотношении с которыми только и можно понять ее историческое содержание... Многое в традиционном тексте исполнителям приходилось осмыслять заново, неизбежно что-то додумывая, вырабатывая подспудно своего рода «художественную гипотезу» о тех давних эпических событиях. В результате, например, не только у нас, но и у сказителей родились альтернативные объяснения смерти и падения людей от свиста, причем одно из них (оглушение) явно неадекватно исконному пониманию этих мотивов, а адекватность другого (испуг) мы сами подтвердили лишь предположительно.

Согласно нашей реконструкции замысла былины, свист Соловья-разбойника действовал на природу и строения как сильный ветер, а на живых существ влиял скорее психологически.

Но только в первой своей части, касающейся природных эффектов, эта гипотеза выглядит достаточно бесспорной. Описания действия свиста на постройки имеют такой сильный перекосяк в сторону эффектов сотрясения, что вся картина последствий свиста обнаруживает странную близость к «взрывной» модели, а это абсурд и с точки зрения исторических условий, в которых создавалась былина (какие взрывы в Древней Руси?), и с точки зрения наших знаний о натуре Соловья.

Сомнения же по поводу интерпретации «человеческих» эффектов свиста высказаны только что, и нет нужды их повторять.

Словом, до полной ясности далековато. Это дает нам право обратиться еще к одному варианту интерпретации соловьиного оружия, каковой я до сей поры «придерживал» ввиду его откровенной неординарности. Существует ведь на самом деле звук, который и разрушает и убивает, но при этом не оглушает. Правда, его возможности стали широко известны только в наши дни.

А может быть?..

Инцидент, приключившийся несколько лет назад на Королевских скачках в Лондоне, заставил говорить о себе британскую и мировую прессу. Жокей, который мчался к финишу первым, вдруг почувствовал мощный звуковой импульс, пришедший, как ему показалось, со

стороны трибуны. В тот же миг лошадь под ним резко дернулась, и всадник очутился на земле. Победа была упущена.

Следствие довольно быстро нашло виновника, а с ним – и орудие преступления. Это было ультразвуковое ружье, мастерски вмонтированное... в обыкновенный бинокль. Оно обладало поражающим действием на расстоянии до 15 метров. С помощью чудо-оружия преступник и те, кто за ним стоял, намеревались «выбивать» фаворитов скачек ради получения выигрышей на тотализаторе.

Параллель случившегося на ипподроме с былинным эпизодом настолько ярка, что не требует комментариев.

Итак, оружием Соловья-разбойника мог быть ультразвук? В исследовательской литературе этот вопрос еще не поднимался. Между тем идея не нова. Только прозвучала она там, куда историки и фольклористы заглядывают редко, – в научной фантастике.

Повесть А.П. Казанцева «Внуки Марса», вышедшая в начале шестидесятых, описывала ситуацию, которая по тем временам казалась правдоподобной. Космонавты высадились на поверхность Венеры, а условия здесь как на нашей планете миллионы лет назад: исполинские папоротники, гигантские ящеры... Сами герои – командир экспедиции Илья Богатырев, инженер Добров и биолог Алеша – своими именами подчеркнута напоминают былинную троицу. Естественно, что и сразиться им пришлось с противником под стать былинному... Это ящер, который своим свистом парализовал жертвы. Илья Богатырев не только окрестил чудовище Соловьем-разбойником, но и победил его, вовремя вспомнив эпический способ, выстрелом в глаз. А инженеру Доброву не составило труда разгадать секрет оружия венерианского Соловья: «Это был ультразвук».

Не будем смущаться формой подачи идеи. В конце концов, мысль сама по себе разумна. Сходство результатов свиста Соловья-разбойника с проявлениями ультразвука – и в еще большей степени, добавлю от себя, инфразвука – достаточно очевидно, чтобы стать предметом серьезного обсуждения.

Напомню известные факты. При облучении ультразвуком мелкие животные сначала проявляют беспокойство, затем впадают в шоковое состояние и умирают – это свойство звука сверхвысокой частоты успешно используется для борьбы с грызунами. У людей слабый ультразвук вызывает недомогание, усталость, головокружение, расстройства нервной системы; сильный ультразвук, по некоторым данным, может привести к параличу или смерти. Люди, подвергнутые воздействию инфразвука, ощущают дискомфорт, безотчетный страх, теряют равновесие; наконец, и инфразвук может быть смертелен. Более того, он способен вызвать сотрясение и разрушение твердых объектов.

В начале тридцатых годов выдающийся американский физик Р. Вуд сделал для сценического эффекта особую органную трубу, издающую очень низкий, почти неслышимый звук. Первое же применение этой трубы в спектакле дало потрясающий – в прямом и переносном смысле – результат. Вот как описывает случившееся сотрудник Вуда и его биограф В. Сибрук: «Последовал эффект вроде того, который предшествует землетрясению. Стекло в канделябрах... зазвенело, и все окна задрезжали. Все здание начало дрожать, и волна ужаса распространилась на Шэфтсбюри-авеню». За последние годы много писали об экспериментах марсельского ученого В. Гавро по созданию инфразвукового ружья. При испытании такого аппарата даже на малой мощности по потолку и стенам помещения поползли трещины...

Главная же отличительная черта инфра- и ультразвука состоит, как известно, в том, что они практически не слышны для человека, хотя их излучение может сопровождаться и слышимым звуком – например, тем же свистом, ревом и т.п. Иначе говоря, человеческая смерть, разрушение зданий и прочие инфра- и ультразвуковые эффекты показались бы непосвященному наблюдателю беспричинными, либо, в крайнем случае, ему было бы трудно объяснить их тем звуком, который слышен.

Но ведь это, если вдуматься, отличает и свист Соловья-разбойника. Былинный персонаж издает звук, который не оглушает, не «бьет» сопутствующей ему струей воздуха, – а люди почему-то умирают, падают, дома трясутся и т.д. Налицо видимая (точнее, слышимая) причина и видимые следствия, а ясной, понятной обыденному сознанию, детерминирующей связи между ними не видно; сказителям пришлось домысливать ее самостоятельно.

Что же до результатов свиста, то цитаты из былины прямо-таки просятся в качестве иллюстраций пагубных возможностей звука сверхнизких и сверхвысоких частот. Особенно впечатляют параллели с действием инфразвука, который, в частности, у человека поражает

органы равновесия тела. «Ой еси ты, Илья Муромец, уйми ты Соловья-разбойника, не можно мне от ево свисту в тереме ни стоять, ни сидеть», – молит князь Владимир в одной из редакций рукописной повести, и эта фраза замечательно передает то понимание эпизода, которое угадывается в вариантах блины. Не от внешнего, четко обозначенного и ощущаемого «удара» попадали наземь киевляне, а от внутреннего расстройтва организма, внезапно появившейся неустойчивости, каким-то непостижимым образом вызванной свистом Соловья. «Не можно» стало находиться в вертикальном положении – и все тут.

В ультра-инфразвуковую модель легко, без малейшего нажима вписываются почти все эффекты соловьиного свиста – вибрация зданий, реакция коня, разнообразные оттенки состояния людей, от чувства страха и потери равновесия до шока и гибели. Этим рассматриваемая гипотеза, безусловно, привлекает. Однако не оставим без внимания оговорку: *почти* все эффекты. Действительно, по крайней мере один исконный для сюжета мотив – от свиста клонятся леса – недвусмысленно указывает на действие сильного ветра. В стройной на вид гипотезе обнаружился первый изъян, который, правда, вряд ли грозит обернуться для нее роковым. Можно ведь предположить, что ультра-инфразвуковое воздействие на мир (разумеется, взятое лишь во внешних проявлениях, без понимания его истинной природы) было приписано персонажу где-то на полпути от мифологического Змея к былинному Соловью-разбойнику и не вытеснило полностью в арсенале его средств древнейшие способности «бурного» чудовища. При туманности предыстории образа это предположение не опровергнешь, хотя и не докажешь, но нет особой необходимости углубляться в данный вопрос, потому что для оценки «ультра-инфрагипотезы» он не является решающим. Настоящие трудности встают перед ней в иной плоскости.

До сих пор мы не задавались вопросом об *источнике* инфра- или ультразвука, другими словами – о том, кто или что, в свете этой гипотезы, может стоять за фигурой самого Соловья. В принципе прототипом Соловья-разбойника могло быть либо живое существо, либо техническое устройство, которое уже народная фантазия сделала одушевленным. Прикинем сначала правдоподобность первой версии. Ультразвук излучают многие представители животного мира, используя его обычно для локации, хотя и высказывались мнения, что дельфины и кашалоты с помощью ультразвуковых импульсов способны поражать других обитателей моря. Как недавно установлено, некоторые животные, например слоны, обмениваются инфразвуковыми сигналами. Таким образом, мысль о существовании некоего издававшего ультра- или инфразвук лесного зверя, может быть, реликтового, последний экземпляр которого был подстрелен, скажем, в начале нашего тысячелетия, сама по себе не абсурдна. Но нам, следуя былинному описанию, пришлось бы еще допустить, что это животное: а) своим ультра- или инфразвуком могло убивать людей; б) излучало инфразвук, заставлявший дрожать дома. Это уже настолько превосходит возможности, которые демонстрирует животный мир, что я не уверен, согласятся ли биологи обсуждать такое предположение даже в качестве научно-фантастического.

Вторая версия в этом отношении кажется реалистичнее; все, что натворил своим свистом Соловей, близко к возможностям современной техники. Но именно современной – для Древней Руси подобная техника немислима.²⁵ Остается только позвать на помощь, как водится в таких

---

²⁵ В.Э.: А вот тут позвольте не согласиться. Давайте оценим, что именно требуется для изготовления обыкновенной сирены, и обладали ли этими навыками люди XII века, в частности – древние балты, обитавшие (и оборонявшиеся) в «Брынско-брянских лесах». Откроем, например, Большую Советскую энциклопедию третьего выпуска (БСЭ-3, 1976) на слове «Сирена» (том 23) и прочитаем, как, собственно, устроены и работают сирены. Оказывается, для изготовления и запуска сирены нужно: 1) изготовить два металлических диска со щелевидными отверстиями; 2) установить эти диски так, чтобы один диск быстро вращался относительно другого; 3) продувать на оба диска воздух. Всё – сирена готова и будет выть. Что из перечисленных трех пунктов не могли осуществить люди XII века? Они изготавливали металлические предметы гораздо тоньше и сложнее, чем просто диски со щелями (например, кубки, статуэтки, украшения). Они от ручного или ножного привода вращали гончарные круги и точила для ножей, топоров и мечей. В кузницах они из мехов продували воздух в огонь, чтобы раскалить железо. Так что (в принципе) изготовить сирену им явно под силу было. В той же энциклопедической статье мы находим формулу для основной частоты испускаемого сиреной звука: «Частота пульсаций воздуха f определяется числом отверстий в роторе или статоре m и числом N оборотов ротора в минуту: $f = mN/60$ [Гц]. Частота f является основной в спектре звука, излучаемого сиреной». Итак, чем быстрее (при данном числе отверстий диска) будет вращаться диск, тем выше будет частота звука. (И частота эта будет расти по мере того, как диски будут раскручиваться: сначала низкий вой, потом все выше и выше свист...). С другой стороны, чем чаще будут поставлены щели на дисках, тем выше будет звук при данной скорости вращения. И так,

случаях, пришельцев из космоса. Кстати, еще в 1970 году востоковед И.В. Можейко, более известный как писатель Кир Булычев, придумал эту версию (Соловей – пришелец с ультразвуковой сиреной) в качестве примера заведомой чепухи, до которой можно докатиться, если не придерживаться в интерпретации памятников прошлого строго научной методы. Что ж, фигура инопланетянина, сидящего на дереве и убивающего оттуда всех проходящих и проезжающих мимо него землян, действительно способна вызвать скептическую улыбку. Да и само пребывание на Земле гостей из космоса отнюдь не доказано, так что ссылки на них – дело рискованное...

Ко всему прочему, мы снова упираемся в отсутствие небылинной (по происхождению) информации о Соловье-разбойнике, точнее, о его предполагаемых прототипах. Если бы существовало в реальности животное или устройство, обладавшее столь необычными звуковыми качествами и наводившее ужас на людей, сведения о нем, весьма вероятно, отразились бы не только в былине, но и в источниках, более восприимчивых к конкретике фактов – преданиях, легендах, исторических сочинениях и т.п. Но и предания, и сказки о Соловье, как мы видели раньше, так или иначе восходят к былине, а летописи о «просто Соловье» молчат.

Кстати, это обстоятельство не позволяет принять еще одну оригинальную трактовку образа Соловья-разбойника. Ее предложил историк Г.И. Босов, исследовавший очень интересное явление – архаический язык свиста, которым пользуются для дальней связи многие народы. Поясню: это не какая-то простенькая система условных сигналов, овладеть коей может любой из нас, а своеобразная имитация с помощью свиста звуков обычной речи. Отметив, что свист такой мощи, слышимый порой на расстоянии до 14 километров, у близко стоящего человека вызвал бы болезненные ощущения, автор провел напрашивавшуюся параллель: люди, владеющие этим языком, «могли бы помериться свистом с легендарным Соловьем-разбойником русских былин, в образе которого, может быть, нашли отражение какие-то смутные воспоминания о «свистящих лесных племенах, некогда живших в муромских лесах». С названием лесов историк немного напутал, но в принципе его идею стоило бы даже обсудить, если бы не полное отсутствие данных о том, что какие-то древнерусские племена использовали язык свиста. А разве, к примеру, составитель «Повести временных лет», расписывавший «звериньские» обычаи, по которым жили вятичи и другие лесные племена, упустил бы возможность подчеркнуть, что и переговаривались они, яко птицы?..

Конечно, аргументы такого рода всегда оставляют лазейку для сомнений: нет соответствующих сведений сегодня, но, может быть, они появятся завтра? И главные, самые весомые соображения, заставляющие преодолеть искус более или менее экстравагантных интерпретаций свиста Соловья, основаны все же на другом. На фактах, относящихся к сфере художественного мышления.

* * *

«Ищите аналоги!» Такую заповедь можно смело поставить рядом с требованием учета всех вариантов фольклорного произведения. При внешней пестроте фантастические образы и мотивы у разных народов обнаруживают высокую степень типологической повторяемости, сходства. Это вызвано повторяемостью жизненных ситуаций, общностью людской психологии и глубинных законов фантазирования. И зачастую ощущение необычности, странности образа, которое испытываешь, «уткнувшись» в этот образ при его анализе, начинает рассеиваться по мере накопления широкого сравнительного материала.

Не буду останавливаться на аналогах природных эффектов свиста Соловья-разбойника, хотя в мировом фольклоре можно подобрать массу примеров того, как земля дрожит, море волнуется, деревья ломаются от крика богатыря, топота богатырского коня, звука выстрела из лука и т.п. В конце концов, соответствующая сторона деятельности Соловья не породила у нас недоуменных вопросов. Затронем лучше мотивы, по которым сомнения остались.

Есть ли, например, параллели к сотрясающему, разрушительному действию свиста на постройки? Сколько угодно. Один пример читатели могут назвать и без моей помощи – это библейский рассказ о падении Иерихона от звука труб и голосов осаждавших город (Книга Иисуса Навина, 6:9,19). Но возьмите для сравнения хотя бы фразу из вьетнамского мифоло-

---

манипулируя этими двумя параметрами – частотой щелей и скоростью вращения – балты запросто могли управлять частотой испускаемого сиреной звука и (при достаточно близко поставленных щелях на дисках) могли, все больше и больше раскручивая диски, переходить от оглушительного свиста к ультразвуку. Разумеется, они и понятия не имели о каких-то там частотах звука, числе герцов, ультра и инфра звуках, но раскручивать за рукоятку диски и ногой мехами дуть на них воздух-то они могли?

гического сказания: «В гонг ударят в доме Дам Зи – стропила обрушатся, бронзовый барабан загремит – столпы покосятся». Принципиально иная культура, даже «фактура» мотива другая – а представление о возможностях звука то же, что и в Библии, и в былине.

Однако более всего показательна, с моей точки зрения, повесть Джанни Родари «Джельсомино в Стране лжецов» – про мальчика, которого природа наделила голосом невероятной силы. Фантазируя на тему, аналогичную былинной, современный писатель во многом пришел к чрезвычайно схожим результатам.

Например, в его сказке подробно, поэтапно описано, как Джельсомино разрушил своим пением сумасшедший дом, куда уехали его друзья, не желавших врать. Сперва от голоса героя начали вылетать стекла, «затем стали разламываться на куски и решетки на окнах» (поневоле вспомнишь: «разломало все связи железные»). Решив, что началось землетрясение, персонал сбежал. Джельсомино запел громче, «все деревянные двери в сумасшедшем доме разлетелись в щепки», и узники вышли наружу. Убедившись, что дом пуст, герой сложил руки рупором и закричал изо всех сил. «...Здание пошатнулось, словно пронесся циклон. Черепицы с крыши и печные трубы смело, как пылинки. Затем, начиная с верхнего этажа, стены накренились, задрожали и со страшным грохотом рухнули вниз...»

Подобные явления, только меньшего масштаба, сопутствуют всей жизни героя. Стоит ему громко произнести слово, а тем паче крикнуть – и разлетается вдребезги классная доска, бьются зеркала, витрины и уличные фонари, падают с подоконников цветочные горшки, а с веток осыпаются груши... Всё потому, что от его голоса «воздух начинает сотрясаться, как при сильном урагане» – это объяснили мальчику еще в школе. Смущавший нас в былине акцент на сотрясающем действии звука присутствует и в фантазии современного сказочника, но уже с откровенной ссылкой на аналогичное действие бури. Для былины эту смысловую связь мы были вынуждены додумывать гипотетически.

А пагубное действие звука на людей? И по этой части в международных художественных параллелях нет недостатка. Начнем опять с литературного источника. В трактате «Как следует писать историю» греческий автор II века н.э. Лукиан из Самосаты иронизирует над неким историком, описывающим «совершенно невероятные раны и небывалую смерть: один у него немедленно умирает от ранения в большой палец на ноге, и от крика полководца Приска двадцать семь воинов падают, потеряв сознание». По сути, Лукиан высмеивает не просто наивность своего современника, но пережиток мифолого-эпических представлений. Если мы возьмем поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», написанную позднее, но с большим доверием к традиционной эпической поэтике, то прочитаем то же самое, однако сказанное на полном серьезе: «Мощный голос Таризла лишил воинов сознания». Необычайная сила голоса входит в типовой перечень богатырских атрибутов. И порой эта сила смертельна: герой народного грузинского эпоса Амирани, по некоторым записям, своим криком убивал дэвов.

Мотив смертоносного голоса или звука встречается также в демонологии казахов и киргизов, в фольклоре некоторых африканских народов, в легендах Древнего Египта, донесенных до нас арабской историографией... У меня нет возможности остановиться на этих фактах – каждый из них заслуживает отдельного разговора и, вероятно, особого исследования. Да и задача моя состоит в другом. Приведенная выше беглая и очень неполная сводка типологических параллелей к деяниям былинного чудовища сама по себе является важным аргументом. Второго Соловья-разбойника в мировой словесности нет, но принципиальные элементы, из которых слеплен этот образ, ей известны. Разумеется, это не делает автоматически ясной всю картину свиста Соловья-разбойника, но по крайней мере дает основание считать, что она восходит не к каким-то экстраординарным явлениям действительности (которые, надо думать, были бы локализованы в пространстве и времени), а родились на почве неких вполне тривиальных жизненных обстоятельств, в результате типовых многократно повторявшихся – у разных народов, в разные эпохи – ходов творческой мысли. Остается понять, каких именно...

Заключение автора Векордии

История с «Соловьем-разбойником» мне представляется довольно ясной, и никаких особых загадок я тут не вижу. Если всё изложить кратко по пунктам, то это будет выглядеть так:

1) Первоначально былина была сочинена ОДНИМ человеком как поэтический рассказ о реальных событиях во время похода русских против балтского князя Одисманта, – рассказ, предназначенный для близких друзей и знакомых Очевидца. Поэт либо сам был очевидцем событий, либо сочинил былинку по непосредственным рассказам Очевидца – разница небольшая, потому что они всё равно входили в один круг знакомых.

2) О том, что это рассказ о подлинных событиях, и рассказ, предназначенный для близких знакомых, свидетельствуют такие подробности рассказа, как упоминание очень конкретных (и в других контекстах неизвестных) имен (Одихмант) и очень конкретных (и мелких) топографических подробностей («речка Смородинка», «Леванидов крест», «береза покляпая»).

3) Создать эту былинку (сочинить самому или передоверить это Поэту) Очевидца побудило то потрясение, которое лично он испытал, когда включенная балтами сирена оповещения перешла на ультразвуковые частоты. (Сначала она выла как зверь, потом перешла на сногшибательный свист, а еще потом началось что-то и вовсе непонятное...).

4) Разумеется, сирена не была оружием, а (так же, как и в наши дни) сигналом тревоги, предупреждающим население о приближении (русских) разбойников.²⁶ Леса, разумеется, от нее не гнулись (это уже присочинили потом), но некоторые неожиданные и непонятные эффекты от нее русские войска могли наблюдать, когда взволнованные балтские стражи на своем посту в короне дерева раскручивали ее до ультразвуковых частот.²⁷

5) Поход против балтов производился, по-видимому, из Чернигова (как это и следует из собственно былины). Позже, когда всё это событие (уже другие рассказчики) приписали Илье Муромцу, тогда и получалось, что приближение к «Соловью» происходило (якобы) со стороны Муромы (и получалось противоречие с предварительным пребыванием Ильи в Чернигове).

6) Несмотря на личное потрясение Очевидца, балты были побеждены и пленные доставлены в Киев вместе с захваченной сиреной. Попытки балтов откупиться не удались (как это и описано в былинке).

7) В Киеве сирена была показана князю и его двору, и тоже наблюдались некоторые необычные эффекты при ее работе на ультразвуковых частотах, но в целом двор князя не был столь впечатлительным как Очевидец, и всё это событие не было сочтено достаточно важным, чтобы попасть в летописи и чтобы сирены были взяты на вооружение русскими войсками. Пленные, видимо, были убиты (казнь «Соловья»), а сирена заброшена.

8) Очевидец же (либо сам, либо доверив это кому-то из своего окружения) сочинил песню об этом событии, назвав владельца сирены «Соловьем-разбийником» (что для него означало «Сладкодуя разбивающий») и «Одихмантьевым сыном» (что, скорее всего, означало просто «подданный вождя Одисманта»).

9) Одисмант – явно балтское имя; еще и сегодня в Литве полно людей с именами Альгимантас, Даумантас, Римантас и т.д. (окончание «ас» исчезает при склонении по падежам, и по-русски, без этого окончания, имена будут выглядеть как Альгимант, Даумант, Римант и т.д.).

---

²⁶ В.Э.: Балты к тому времени прожили в этом регионе не менее двух тысяч лет (в два раза больше, чем до сих пор успели прожить славяне) и, естественно, считали эту землю своей, а русских – пришлыми захватчиками. Балты, пришедшие сюда во II тысячелетии до н.э., были первым земледельческим населением этой земли – до них там проживали только (чрезвычайно малочисленные) охотничьи племена, родственные ненцам и другим сибирским народам.

²⁷ В.Э.: Ни один воин не начнет бой, сидя на дереве (где у него нет ни малейшей возможности маневра); на дереве может находиться ТОЛЬКО наблюдательный пункт. Былина однозначно говорит, что «Соловей» начинал свистеть при появлении противника (в данном случае, значит, – Ильи). Именно так и должен вести себя сторожевой пост: поднимать тревогу, завидев врага. Так как сирена, видимо, была устройством хоть и не очень большим, но и не карманным, то на дереве (или на нескольких соединенных между собой деревьях) действительно должно было устраиваться нечто похожее на «гнездо», чтобы сирена могла там поместиться и чтобы ее могли запустить.

Имена этого типа состоят из двух корней, и второй корень («мант») означает, что у носителя имени много того, что указано первым корнем имени. Так, например, имя «Альгимант» означает «много достоинств». Имя «Одисмант» (или «Одимант»: форма «Одихмант», видимо, является искажением, внесенным русскими сказителями, не владевшими балтскими языками и не понимавшими произносимого ими слова) – имя «Одисмант», по всей видимости, означает «много кожи» («óda» по-литовски кожа; «ōda» по-латгальски кожа; «āda» по-латышски кожа). Буквальное «много кожи» может означать, в зависимости от языковых традиций конкретного племени, всё что угодно: от того, что у этого человека много овец и коров (и поэтому много шкур) до более абстрактного понятия о том, что у него самого настолько много собственных кож, что он неуязвим для врагов. (Понятием «кожа» сначала обозначались также латы, панцырь).

10) Слово «Соловей» для Очевидца и Поэта означало «сладкодуи», но, скорее всего, оно тоже не славянского происхождения, а взято Очевидцем у балтов: собственно владельцы сирены называли ее «solavējs», что русскими воспринималось как «соловей», а по-балтски означало «морозный ветер». Ведь изготовители и употребители сирены должны были ее как-то именовать, а греческое слово «сирена» им известно не было. Так как в сирену продувался воздух, то назвать ее «vējs» (ветер) было вполне логично, а для уточнения, что это за ветер такой, слово «sols» (мороз, стужа) тоже весьма подходило, раз от этого свиста мурашки по коже бежали и гусяная кожа вставала. Ощущения, весьма похожие на те, что от свирепого зимнего ветра.

11) Однажды сочиненная, былина стала кочевать по сказителям, обрастая сказочными элементами, но и на удивление долго сохраняя много конкретики. Она была приписана к деятельности Ильи Муромца (который наверняка не был первоначальным ее героем). Она завораживала людей необычностью и загадочностью образа Соловья-разбойника (вскоре ставшего уже непонятным), и поэтому пользовалась большой популярностью.

Валдис Эгле

10 июня 2008 года

Приложения

Ниже приведены два текста былины о Соловье-разбойнике, взятые мною в Интернете. Вместе они охватывают почти все, о чем говорит Юрий Морозов. Первый текст мне представляется более древним, второй – более новым (возможно, уже XIX века).

1. Илья Муромец и Соловей-разбойник

http://teneta.rinet.ru/rus/ii/ilia_i_solovey.htm

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольней Киев-град,
Да й подъехал он ко славному ко горду к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролетыват.
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конём топтать да копьём колоть,
А й побил он эту силу великую.
Ён подъехал-то под славный под Чернигов-град,

Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то врата во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводю.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
– Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводю.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град. –
Говорили мужички ему черниговски:
– Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусьский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у черной,
Да у той ли у березы у покляпяя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Сиди Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ён кричит, злодей-разбойник, по звериному
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пытьсот есть верст,
Ай окольной дорожкой цела тысяча.
Он спустил добра коня да й богатырского.
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Ёго добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинки,
Да ко тоей он ко гряз он ко чёрной,
Да ко тою ко берёзы ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земли вси преклонилися,
Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да потыкается;
Ай как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плеточку шёлковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым рёбрам;
Говорил-от он, Илья, да таковы слова:
– Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слышал ли посвисту соловьяго,
Не слышал ли посвисту звериного,

Не видал ли ты ударов богатырских? –
А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук розрывчатый,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Ён тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
То он стрелил в того Соловья-разбойника,
Ёму выбил право око со косичею.
Ён спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечки булатному,
Ён повёз его по славну по чисту полю,
Мимо гнёздышко повёз да Соловьиное.
Во том гнёздышке да Соловьиноем
А случилось быть да три дочери,
А й три дочери его любимых;
Больша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:
– Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром кони,
Да везёт ён мужичищцо-деревенщину.
Да у правого стремени прикована. –
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
– Едет батюшко роздольцем чистым полем
Да й везёт он мужичищцо-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована. –
Поглядела его меньша дочь любимая.
Говорила-то она да такову слова:
– Едет мужичищцо-деревенщина,
Да й сидит, мужик, он на добром кони,
Да й везёт-то наша батюшка у стремени,
У булатняго у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косичею. –
Говорила-то й она да таковы слова:
– Ай же мужевья наши любимы!
Вы берите-тко рогатины зверины,
Да и бежите-тко в роздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичищу-деревенщину. –
Эти мужевья да их любимы,
Зятевья-то есть да Соловьины,
Похватили как рогатины зверины,
Да и побежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
– Ай же зятевья мои любимы,
Побросайте-тко рогатины зверины,
Вы зовите мужики да деревенщину,
В своё гнёздышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы поите ёго питьцем медвяным,
Да й дарите ёму дары драгоценные. –
Эти зятевья да Соловьины
Побросали-то рогатины зверины,
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнёздышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,

А он едет-то по славному чисту полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град,
Ён приехал-то во славный стольнёй Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьёй церкви,
Он пришел в полату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идёт он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писанному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три, на четыре сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Ещё всим его князьям он подколненным.
Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
– Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Звеличают удалаго по отчеству? –
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
– Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович! –
Говорит ему Владимир таковы слова:
– Ай же старья казак да Илья Муромец,
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженькой ты ехал в стольнёй Киев-град? –
Говорит Илья он таковы слова:
– Ай ты славныя Владимир стольнё-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А й ко обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту грязь да мимо черную,
Мимо славную реченку Смородину,
Мимо славную берёзку-то покляпую,
Мимо славный ехал Левонидов крест. –
Говорил ёму Владимир таковы слова:
– Ай же мужичищцо-деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да надсмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица чернйй ворон не пролётывал;
А й у той ли-то у грязи-то у чёрной,
Да у славной речки у Смородины,
А й у той ли у берёзки у покляпую,
У того креста у Леванидова,

Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,
То как свищет солвей да по-соловьиному,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются.
Тёмны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво лежат. –
Говорит ему Илья да таковы слова:
– Ты Владимир-князь да стольнѣ-киевской!
Соловей-разбойник на твоём двори,
Ему выбито ведь право око со косичею,
Й он ко стремени булатному прикованной. –
То Владимир князь-от стольнѣ-киевской
Он скорѣшенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходт-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
– Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному. –
Говорил-то Соловей ему Одихмантьев сын:
– Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушатию –
Говорил-то как Владимир-князь да стольнѣ-киевский:
– Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закрыть да по-звериному. –
Говорил Илья да таковы слова:
– Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полствисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во полкрыку зверинаго. –
Говорил-то ёму Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
– Ай же старая ты казак, Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то уста мои сахарныи,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закрычать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мни да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы порозойдутся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закрычу да по-звериному. –
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
– Ты Владимир-князь да стольнѣ-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к рабойнику. –
То Владимир-князь да стольнѣ-киевской
Он скоренько шол в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу ое стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то ён ко Соловью-разбойнику.

Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-ту Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закрычал, разбойник, по-звериному,
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались
От него, от посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшок, таки вси мертвы лежат;
А Владимир князь-от стольнѣ-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Он скорошенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
– Тоби полно-тко свистать да по-соловьему,
Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тоби полно-тко вдовить да жен молодых,
Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок. –
А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по веку.²⁸

© Источник: **Былины** / Сост., вступ. ст., вводные тексты В.И. Калугина; Худож. Б.А. Лавров. – М.: Современник, 1991 – С. 163–175. – (Сокровища русского фольклора).

© Текст приведён в Web(html)-форму в рамках проекта «Русский язык». Компьютерный набор, логическая разметка гипертекста, графика, css – Елена Злобина.

2. Илья Муромец под Чернговым и Соловей-разбойник

<http://claw.ru/a-legendy/3/438.html>

Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются,
Расстилается сын перед батюшкой,
Он и просит себе благословеньица:
«Ох ты, гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай ты мне свое благословеньице,
Я поеду во славный, стольный Киев-град,
Помолиться чудотворцам киевским,
Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру христианскую».
Отвечает старый крестьянин,
Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тебе благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.
Поедешь ты путем-дорогою,
Ни помысли злом на татарина,
Ни убей в чистом поле христианина».
Поклонился Илья Муромец отцу до земли.
Облатился Илья и обкольчужился:

²⁸ В.Э.: Это тоже довольно непонятно, если иметь в виду только теперешний мотив былины: с чего это должны «петь славу» казненному разбойнику? Но, видимо, первоначальный сочинитель песни (Очевидец) был весьма высокого мнения о «Соловье» и о его способностях и отнюдь не питал к нему вражды. (Ведь «Соловей»-то и не делал ему – и вообще никому – ничего плохого).

Брал с собой палицу булатную,
Брал он копье долгомерное,
Еще тупи лук да калены стрелы,
И шел Илья во Божью церковь,
И отстоял раннюю заутреню воскресную,
И завечал заветы великие:
Ехать ко славному городу ко Киеву
И проехать дорогой прямоезжею,
Котора залегла ровно тридцать лет
Через те ли леса Брынские,
Через черны грязи Смоленские;
Не натягивать туга лука
Не кровавить копья долгомерного
И не кровавить палицы булатные.
И садился Илья на добра коня,
Поехал он во чисто поле,
Он и бьет его по крутым бедрам,
Ретивой его конь осержается,
Прочь от земли отделяется:
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего.
Он первый скок ступил за пять верст,
А другого ускоку не могли найти,
А в третий скочил под Чернигов-град.
Под Черниговым силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона;
Под Черниговым стоят три царевича,
С каждым силы сорок тысячей.
Ай во том во городе во Чернигове,
А во стене ворота призатворены,
А у ворот крепки сторожа да поставлены,
А во Божьей церкви стоят люди,
Богу молятся,
А они каются, причащаются,
А как со белым светушком прощаются.
Богатырское сердце разгорчиво и неумчиво:
Пуще огня огничка разыграется,
Пуще палящего морозу разгорается.
И разрушил Илья заветы великие:
И приправил бурушка-косматушка в чисто поле,
А он рвал да сырой дуб, да кряковистый,
Ай воротил он дуб да из сырой земли
Со кореньями со каменьями,
А и стал он тут сырым дубом помахивать,
Учал по силушке погуливать:
А где повернется, делал улицы,
Поворотится – часты площади!
Добивается до трех царевичей.
«Ох вы, гой еси мои три царевича! –
Во полон ли мне вас взять,
Ай с вас буйны головы снять?
Как во полон мне вас взять:
У меня дороги заезжие и хлебы завозные,
А как головы снять – царски семена погубить.
Вы поедьте по своим местам,
Вы чините везде такую славу,
Что святая Русь не пуста стоит,

На святой Руси есть сильны могучи богатыри». Увидали мужики его, черниговцы: Отворяют ему ворота во Чернигов-град И несут ему даровья великие: «Ай же ты, удалый, добрый молодец! Ты бери-ка у нас золото, серебро, И бери-ка у нас скатый жемчуг, И живи у нас, во городе Чернигове, И слыви у нас воеводою. Будем мы тебя поить-кормить: Вином-то поить тебя допьяна, Хлебом солью кормить тебя досыта, А денег давать тебе до-любви». Возговорит старый казак Илья Муромец: «Ай же вы, мужики, черниговцы! Не надо мне-ка ни золота, ни серебра, И не надо мне-ка скатного жемчуга, И не живу во городе Чернигове, И не слыву у вас воеводою. А скажите мне дорогу, прямоезжую, Прямоезжую дорогу в стольный Киев-град!» Говорили ему мужички-черниговцы: «Ай же ты, удалый, добрый молодец, Славный богатырь Святорусский! Прямоезжею дорожкой в Киев пятьсот верст. Окольной дорожкой цела тысяча: Прямоезжая дорожка заколодила, Заколодила дорожка, замуравила; Серый зверь тут не прорыскивает, Черный ворон не пролетывает: Как у той грязи, у Черной, У той березы, у поклапой, У славного креста, у Леванидова, У славненькой у речки, у Смородинки, Сидит Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. А сидит Соловей да на семи дубах, Свищет-то он по-соловьему, Шипит-то он по-змеиному, Воскричит-то он, злодей, по-звериному, А желты пески со кряжиков посыпаются, А темны леса к сырой земле преклонятся, А что есть людей, все мертвы лежат!» Только видели добра-молодца, да седучи, А не видели тут удалого поедучи. Во чистом поле да курева стоит, Курева стоит, да пыль столбом летит. Пошел его добрый конь богатырский С горы на гору перескакивать, С холмы на холму перемахивать, Мелки рученьки-озерки между ног спускать. Подбегает он ко грязи той, ко Черной, Ко славные березы, ко поклапые, Ко тому кресту, ко Леванидову, Ко славненькой речке, ко Смородинке. И наехал он, Илья, Соловья-разбойника. И слышал Соловей-разбойник Того ли топу кониноного,

И тоя ли он поездки богатырские:
Засвистал-то Соловей по-соловьему,
А в другой зашипел, рабойник, по-змеиному,
А в третьи рывкает по-звериному,
Ажи мать сыра-земля продрогнула,
А со кряжиков песочки посыпалися,
А во реченьке вода вся помутилася,
Темны лесушки к земле преклонилися,
А что есть людей, все мертвы лежат,
Его добрый конь на коленки пал.
Говорит Илья Муромец, Иванович:
«Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, в темных лесах,
Не слышал ты свисту соловьиного,
Не слышал ты шипу змеиного,
А того ли ты крику звериного,
А звериного крику, туриного?»
Разрушает Илья заповедь великую:
Становил коня он богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал
От правого от стремечка булатного,
Накладывал-то стрелочку каленую
И натягивал тетивочку шелковую,
А сам ко стрелке приговаривал:
«А ты лети, моя стрела, да не в темный лес,
А ты лети, моя стрела, да не в чисто поле,
Не пади, стрелка, ни на землю, ни на воду,
А пади Соловью во правый глаз!»
И не пала стрелка ни на землю, ни на воду,
А пала Соловью во правый глаз.
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земле.
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
Пристегнул его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремечку булатному.
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Идет мимо: Соловьиное поместьеце.
Кабы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железный тын,
А на всякой тынинке по маковке
И по той по голове богатырские.
Увидят Соловьиные детушки,
Смотрят в окошечко косявчато,
Сами они вопроговорят таково слово:
«Ай же ты, свет, государыня матушка!
Едет наш батюшка раздольицем, чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырском,
И везет он мужичищу-деревенщину,
Ко стремени булатному прикована!»
Увидит Соловьиная молода жена,
В окошечко по пояс бросалася,
Смотрит в окошечко косявчато,
Сама она вопроговорят таково слово:
«Идет мужичища-деревенщина
Раздольицем, чистым полем
И везет-то государя-батюшку,

Ко стремени булатному прикована!»
Похватали они тут шалыги подорожные.
Она им воспроговорит таково слово:
«Не взимайте вы шалыг подорожных,
Вы пойдите в подвалы глубокие,
Берите мои золоты ключи,
Отмыкайте мои вы окованы ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Вы ведите-тка богатыря Святорусского
В мое во гнездышко Соловье,
Кормите его ествушкой сахарною,
Поите его питьицем медвяным,
Дарите ему дары драгоценные!»
Тут ее девять сынов закорилися:
И не берут у нее золоты ключи,
Не походят в подвалы глубокие,
Не берут ее золотой казны;
А худым, ведь, свои думушки думают:
Хотят обернуться черными воронами
С носами железными,
Они хотят расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца, Ивановича.
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удалый добрый молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно;
Отпусти Соловья-разбойника,
Не вези Соловья во Киев-град!»
А его-то дети, Соловьевы,
Неучливо они поговаривают,
Они только Илью и видели,
Что стоял у двора Соловьиного.
И стегают Илья, он, добра коня,
Как бы конь под ним осержается.
Побежал Илья, как сокол летит,
Приезжает Илья, он, во Киев-град,
Приехал он к князю на широкий двор,
Становил он коня посередь двора,
Шел он в палату белокаменну
И молился он Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
На все на четыре стороны.
У великого князя Владимира,
У него, князя, поместный пир;
А и много на пиру было князей, бояр,
Много сильных, могучих богатырей;
И поднесли ему, Илье, чару зелена вина,
Зелена вина, в полтора ведра.
Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Стал Владимир-князь выпрашивать:
«Ты откулешний, дородный добрый молодец!
Тебя как, молодца, именем назвать,
Взвеличать удалого по отчеству?
А по имени тебе можно место дать,
По изотчеству пожаловати!»
Говорит ему Илья таковы слова:

«Есть я из славного города, из Мурома,
Со славного села Карачарова,
Именем меня Ильей зовут,
Илья Муромец, сын Иванович белы руки
Стоял-то я заутреню во Муроме,
Поспевал-то я к обеденке в стольно Киев-град.
Дело мое дороженькой замешкалось:
Ехал я дорожкой прямоезжею,
Прямоезжей, мимо славен Чернигов-град,
Мимо славную рученьку Смородинку!»
Говорят тут могучие богатыри:
«А ласково солнце, Владимир-князь!
Во очах детина завирается:
Под городом Черниговом стоит силушка неверная,
У речки у Смородинки Соловей-разбойник,
Одихмантьев сын. Залегла та дорога тридцать лет,
От того Соловья-разбойника!»
Говорит Илья таковы слова:
«Владимир-князь стольно-киевский
Соловей-разбойник на твоём дворе,
И прикован он ко правому стремечку,
Ко стремечку, ко булатному!»
Тут Владимир-князь стольно-киевский
Скорешенько вставал он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бежал он на широкий двор,
Подходит он к Соловью, к разбойнику.
Выходили туго князи, бояра,
Все русские могучие богатыри:
Самсон, богатырь Колыванович,
Сухан богатырь, сын Домантьевич²⁹,
Святогор богатырь и Полкан другой
И семь-то братьев Збродовичи,
Еще мужики были Залешане,
А еще два брата Хапиловы,
Только было у князя их тридцать молодцов.
Говорил Владимир Илье Муромцу:
«Прикажи-ка засвистать по-соловьему,
Прикажи-ка воскричать по-звериному!»
Говорил ему Илья Муромец:
«Засвищи-ка, Соловей, только в полсвиста соловьего,
Закричи-ка только в полкрика звериного!»
Как засвистал Соловей по-соловьему,
Закричал злодей, он, по-звериному:
От этого посвиста соловьего,
От этого от покрика звериного,
Темные леса к земле поклонилися,
На теремах маковки покривилися,
Околенки хрустальные порассыпалися,
А и князи и бояри испужалися,
На корачках по двору расползалися,
Попадали все сильные могучие богатыри,
И накурил он беды несносные...
А Владимир-князь едва жив стоит

---

²⁹ В.Э.: Домант тоже вроде мог бы быть балтским именем, но Сухан не может быть таковым.

Со душой княгиней Апраксией.
 Говорит тут ласковый Владимир-князь:
 «Ах ты, гой еси, Илья Муромец, сын Иванович!
 Уйми ты Соловья-разбойника!
 А и эта шутка нам не надобна!»
 Садился Илья на добра коня:
 Ехал Илья в раздельице, чисто-поле,
 Срубил Соловью буйну голову,
 Рубил ему голову приговаривал:
 «Полно-тко тебе слезить отцов, матерей,
 Полно-тко вдовить молодых жен,
 Полно спускать сиротать малых детушек!»
 Тут Соловью и славу поют!

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-SOLOVE	1
Юрий Морозов	1
ПОЧЕМУ СОЛОВЕЙ СТАЛ РАЗБОЙНИКОМ?	1
Введение	2
Почему соловей стал разбойником?	3
«Его натура как-то двойтсся»	3
Историческая личность?	6
Миф?	18
Секретное оружие	25
А может быть?	33
Заключение автора Векордии	38
Приложения	39
1. Илья Муромец и Соловей-разбойник	39
2. Илья Муромец под Чернговым и Соловей-разбойник	44
Оглавление	50